

Царский выбор

роман-драма

Елена Степанян

Елена Степанян
Царский выбор

«Теревинф»

2015

УДК 821.161.1-821
ББК 84(2Рос=Рус)6-6

Степанян Е. Г.

Царский выбор / Е. Г. Степанян — «Теревинф», 2015

ISBN 978-5-4212-0308-7

Остросюжетное повествование о событиях эпохи царя Алексея Михайловича. Допетровская Русь оживает в драматическом переплетении человеческих судеб. Герои «Царского выбора», живые и полнокровные, мыслящие и страдающие, в сложнейших жизненных коллизиях ищут и, что самое главное, находят ответы на извечные духовные вопросы, обретают смысл и цель бытия.

УДК 821.161.1-821
ББК 84(2Рос=Рус)6-6

ISBN 978-5-4212-0308-7

© Степанян Е. Г., 2015
© Теревинф, 2015

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	28
Глава четвертая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Е. Г. Степанян
Царский выбор
Исторический роман-драма

Время действия – 1647 год

Место действия – Москва, Касимов, окрестности Касимова

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Степанян Е. Г., 2007

© Теревинф, оформление, 2007

Глава первая

1. Яркий день первых чисел сентября.

Рослый седобородый странник с котомкой за плечами медленно бредет, раздвигая высокие травы.

Лесная опушка близ широкой проезжей дороги.

Девушка лет семнадцати сидит на поваленном стволе и плетет венок. Слышны детские голоса.

Двое мальчишек сидят на дереве «в дозоре».

Девушка издали замечает странника. Девушка поднимается с места, она очень удивлена.

Странник выбирается на дорогу. Девушка подходит к страннику и смотрит на него с великим удивлением.

Странник (*подходя к ней*). Здравствуй, дитятко! Не скажешь ли, в какую сторону на Москву?

Фима (*указывая*). В эту сторону – на Москву, а туда – на Касимов. (—) Дедушка, а как же ты там прошел? Это страшное место, Дарькиной трясиной зовется. Там никто не ходит. Туда и подходить бояться.

Странник. Нет такой трясины, дитятко, где бы Господь Бог не был волен тропинку проложить. А наше дело – тропинку эту отыскать.

Фима (*улыбаясь*). Ты, дедушка, наверное, Божий странник?

Странник. А ты, дитятко, наверное, Божий ангел. Какую же красоту Господь сотворил. Чай, боярская дочка?

Фима. Ивана Родионовича Всеволожского дочь. А звать меня Евфимией. (—) Ты хочешь мне что-то сказать, дедушка?

Мальчишки-дозорные с дерева видят приближающегося всадника.

Мальчишки-дозорные. Андрей Иваныч едет! Андрей Иваныч едет!

Фима (*страннику*). Это мой брат. Мы его тут встречаем. (*Бежит по дороге навстречу всаднику*).

Всадник останавливается, спрыгивает с коня, обнимается с Фимой.

Странник пристально рассматривает его из-под сдвинутых бровей.

Фима (*подводя к нему Андрея*). А это Божий странник. Он в Москву идет и с дороги сбился, а я ему указала.

Странник (*распрямляет плечи, смотрит Андрею в самые зрачки*). Божьи странники никогда с дороги не сбиваются. Она их всегда туда, куда надо, выводит.

Андрей (*просияв*). Как же ты хорошо сказал. Я вот тоже так думаю. А издалёка идешь?

Странник. Из Сибири.

Андрей (*покачивая головой*). Ого! А из Москвы куда? По каким местам?

Странник. Из Москвы, дитятко-барин, обратно в Сибирь пойду.

Андрей. Трудный, наверное, путь – из Сибири, да в Сибирь?

Странник. Труден путь тому, кто не по своей воле идет. А кто по своей – тому не трудно. А лучше всего тому, кто идет по Божьей воле. Не зря же говорят – Божии невольники не печалются.

Андрей (*нерешительно*). А ты зашел бы к нам, мы тут близко совсем. Отдохнешь денек-другой, побеседуем.

Странник. Мы еще успеем с тобой наговориться. Потерпи немного.

Андрей (*обрадованно*). Так мы еще увидимся? А где же?

Странник. В Москве.

Андрей (*лукаво*). А где в Москве? В Кремле? На Красной площади?

Странник. Ну зачем же там? – Встретимся в доме Афанасия Корионова.

Андрей. Но это же мой родной дом! Я там, почитай, каждую зиму живу. Жена Афанасия Петровича моей матери сестра родная.

Странник (*усмехаясь*). Вот и ладно. Ты же звал меня к себе домой – там и встретимся. – Ну прощай! (*Поворачивается и уходит.*)

Андрей (*спохватившись, бежит за ним*). Постой, постой, я же не спросил! Как величать тебя, сударь-батюшка?

Странник. Как же ты, барский сын, меня, мужика, сударем назвал?

Андрей. Но ты ведь ближе к Господу, чем я. Вот потому и назвал.

Странник (*вздыхает, покачивает головой*). Да, все верно. (*Громко*) Зовут меня Василием Матвеевичем. (*Повелительно*) Ступай домой, Андрюша. В Москве увидимся. Прощай!

Он уходит, Андрей зачарованно смотрит ему вслед.

Андрей. Фима, ты подумай, он мне сказал – встретимся у Афанасия Корионова!

Фима (*насмешливо*). И ничего тут такого нет. Просто я ему успела порассказать, что мы Всеволожские. А раз он знает дядю Афанасия, то и догадался, что мы сродственники.

Андрей. Да, конечно, так он всю его родню и заучил. А ты не хочешь, чтоб чудеса случались, так и скажи.

Фима (*поддразнивает его*). Очень даже хочу. Только чудеса должны быть настоящими чудесами. А то какой-то дед какого-то дядьку знает.

Брат и сестра идут через лес. Следом крестьянский мальчик ведет Андрееву лошадь. Андрей демонстративно молчит.

Фима (*трогая за рукав обиженного брата*). Андрюша, там, в городе, никто про меня не спрашивал?

Андрей. Спрашивал.

Фима (*испуганно*). Кто?

Андрей. Матушка попадья.

Фима. Ну тебя.

Андрей. Ничего не «ну». Она же в Касимове первая сваха. Чуть что – все сразу к ней.

Фима. И что же ты ей сказал?

Андрей. То, что есть. Как условились. Что ты еще очень молода. Что отец с матерью расставаться с тобой не хотят. Что я еще должен был сказать? Что ты всех женихов ненавидишь заранее?

Фима. Разве ж я кого-нибудь ненавижу, Андрюшенька? Не надо так про меня говорить. Фима и Андрей идут дальше.

Фима. Андрюшенька, ты меня прости. Этот странник, он настоящий. Он через Дарькину трясику прошел, я сама видела.

Андрей (*шутливо*). Бессовестная!

Фима. Я ждала, он мне скажет что-нибудь... такое! А он тебе сказал. Я не позавидовала, Боже упаси, но я очень ждала!..

Андрей (*гладит ее по голове*). Ничего, Фима, я с тобой всегда поделюсь!

2. В доме Всеволожских.

Андрей и отец. Андрей разбирает свой вещмешок. Отец внимательно за всем следит.

Всеволожский. Ты что это столько книг купил? Это ж какие деньги!

Андрей. Батюшка, вот те крест, только две купил. Остальные – дарёные.

Всеволожский. Что? Это кто ж так тебя дарить вздумал?

Андрей. Старый знакомый. (—) Помнишь, год назад заезжал к нам такой Захар Ильич из Казани? Он теперь сам касимовский. Женился на здешней, на Барашовой, ты ведь их знаешь. И дом купил недалеко от отца Николы.

Всеволожский (*притворно сердится*). Помню его, помню. Плут он, этот Захар. Хорошо меня в тот раз облапошил. А что это он вздумал тебе подарки дарить? У него там что, сестра какая, или дочка? Дурака ищет, который приданого не спросит, книжками возьмет?

Андрей. Да нет у него ни сестры, ни дочки. (*Лукаво*) А вот у жены его и в самом деле есть сестра. Красавица. Машей зовут.

Всеволожский (*тем же тоном*). Знать ничего не хочу. Я с этим Захаром родниться не желаю.

Фима (*выглядывая из-за двери*). Так она ж не его сестра, батюшка, а жены его. Не так уж ты с ним и породнишься.

Всеволожский. Ах так, подслушиваешь? Хороша! Когда о ней речь, что замуж пора, так в слезы. А брата готова на первой встречной женить. А ну ступай отсюда, поторопи там мать и няньку. Что они себе думают? Дите с дороги до сих пор не кормлено.

Фима уходит, отец подходит к Андрею, понижает голос.

Всеволожский. Ты скажи, там про Фимку попадья ничего не спрашивала?

Андрей. Ну, конечно, спрашивала. Я ей отвечал, как условились. Да куда нам спешить?

Всеволожский. Понимаешь, будь она из себя попроще, то все бы ничего. А тут эта красота никчемная, про которую все знают! Я боюсь, что обо мне молва пойдет, что вот, мол, цену набивает, жениха побогаче ищет. Мне такие разговоры ни к чему.

Андрей. Ну а что мы можем придумать? Спрятать ее в подполе, как сам знаешь что?

Всеволожский. Ты это о чем?

Андрей. Ни о чем. У тебя же в подполе ничего не зарыто. Никакой кубышки.

Отец хитро усмехается.

Андрей. Но она там может лежать-полеживать, а Фимку все равно придется на Рождество в город везти.

Всеволожский (*осторожно*). В Кузееве тоже церковь есть. Можно и там Рождество отпраздновать.

Андрей (*с глубоким вздохом*). Можно и в стольном граде Кузееве. И намного дешевле. (*Пауза*) Самое лучшее, отец, что мы можем придумать, это отвезти Фимку в Москву. Афанасий Петрович и ее уговорит, чтоб не дурачилась, и жениха найдет, самого что ни на есть. Он столько знает, со столькоими дружен, он ее за князя какого-нибудь сосватает.

Всеволожский. Ни за что на свете! Не для того я Фимку столько лет холил-лелеял, чтобы ее муж на меня сверху вниз смотрел. У меня своя гордость есть. Пускай мои прадеды боярства лишились, но я столбовой дворянин, я не потерплю, чтоб меня кто-нибудь даже в мыслях унижал.

Но ты хорош, Андрей Иванович. Князя в зятя захотел. А как же твои речи, что все равны, что всех Господь по образу Своему сотворил?

Андрей. Ты же меня за эти речи вожжами учил.

Всеволожский. Выходит, отучил?

Андрей. Помалкивать научил.

Всеволожский. Так что же у тебя получается? Про то, что все равны, помалкиваешь, а сестру родную за князя выдать хочешь?

Андрей. Меня на криводушии, батюшка, никто не поймает. (—) Да, все равны, но живут совсем не равно. Разве это тайна для кого-нибудь? И если у меня выбор есть, то что я предпочту для родной сестры? Чтобы она по-княжески жила или чтоб вышла за бедного помещика, у которого жена сама коров доит?

Всеволожский (*заводясь*). А что тут такого? Разве в этом грех? Сказано: в поте лица своего будешь есть хлеб свой. И я в страду не меньше мужика тружусь, от зари до зари, да! И у меня каждая копейка потом полита.

Андрей. Конечно, тяжкий труд не грех. Но ничего хорошего в нем тоже нет. Нет, конечно же он не грех, он наказание за грех.

Всеволожский (*тревожным тоном*). Что ты мелешь? За какой грех?

Андрей (*спокойно*). За неверие. Ты что, не слышал никогда, как пятью хлебами пять тысяч были накормлены? Разве это не лучше, чем тяжкий труд?

Всеволожский (*держась за сердце*). Андрей, ты что, рехнулся? Ты понимаешь, *Кто* эти пять хлебов разделил?

Андрей. Неужели не понимаю? Но Он же сам сказал, смотри: (*открывает ларец, вынимает Евангелие, оно у него заложено на нужном месте*) «Аминь, аминь, глаголю вам, веруя в мя, дела яже аз творю, и той сотворит, и болша сих сотворит».

Всеволожский (*вопит*). Замолчи! Замолчи! Ты спятил, спятил!

Андрей. Это не мои слова, отец, это Господь говорит...

Всеволожский (*стучит по столу*). Не смей! Молчи! Я тебя задушу!

Вбегают Фима, мать Евдокия Никитишна и нянька Настасья.

Наперебой. Что случилось? Что? Что?

Всеволожский (*хватает Андрея за руку и тащит к другой двери*). Ничего! Ничего не случилось! Обед подавайте! Что вы сбежались?

Евдокия. Но ты же кричал!

Всеволожский. Нет, не кричал. Послышалось вам. Сказал, обед подавайте. Мы сейчас придем.

Тащит Андрея вверх по лестнице, вталкивает в маленькую комнату, входит за ним и запирает за собой дверь.

Всеволожский. Андрюшенька! Голубчик! Я же твой отец. Я только ради тебя и Фимки живу. Мне для себя ничего не надо. Ты надо мной смеешься, что я деньги коплю. Да разве ж я для себя? Ох ты Господи-Боже! (—) Андрей, ты знаешь, что такое «слово и дело государево»?

Андрей. Знаю.

Всеволожский. Один здравцу царю произносит, а другой в это время чихнет, или сморщится, комар его укусил – и все, пропал человек. Во всех грехах обвинят, всех собак навешают.

Андрей (*пожимая плечами*). Да я знаю, отец, ей-богу, не хуже твоего знаю.

Всеволожский. Так вот, то, что ты давеча сказал, это во сто крат страшнее!

Андрей. Да я же не...

Всеволожский (*стучит по столу*). Не перебивай меня! – Неважно, где это написано. Пусть хоть по небу огненными буквами. Раз весь мир эти слова мимо читает, тому, кто по-другому прочел, не поздоровится. Ты знаешь, что значит еретиком прослыть?

Андрей. Отец, я же...

Всеволожский. Не смей перебивать! – Кто верит не как все, тот еретик; даже если он сам чудеса творить начнет, еще большим еретиком окажется. Да ты знаешь, что с еретиками делают? Всеми пытками пытаются, живьем жгут! Понимаешь ты, с чем играешь?

Андрей. Да ты же мне сказать не даешь. Не такой я дурак, как ты думаешь. Я только потому с тобой об этом заговорил, что уж точно знаю, что ты на меня доносить не пойдешь. А больше никому не говорил и говорить не собираюсь.

Всеволожский. Никому-никому?

Андрей. Никому-никому. (*Лукаво*) Там ведь в другом месте сказано: «Не мечите жемчуг перед свиньями».

Всеволожский. Час от часу не легче. Ты что же, всех людей за свиней считаешь?

Андрей (*серьезным голосом*). Отец, я в каждом человеке образ Божий почитаю.

Всеволожский (*машет руками*). Не надо! Ни того ни другого не надо. Надо быть как все. И тогда проживешь свой век спокойно, как наши деды и прадеды, что на Кузьевском погосте лежат.

Андрей. Ну, насчет лежать – не знаю, что-то не тянет. Но молчать обещаю, как они.

Всеволожский. Значит, я могу спокойно спать? (*Андрей кивает.*) Тогда поцелуй меня.

3. Семья Всеволожских за трапезой.

Всеволожский (*Андрею*). Ну, что там в Касимове говорят про нового воеводу?

Андрей. Про нового! Он за этот год так всем намозолил, забыли уже, когда он новым был.

Всеволожский. А что, он все лютует, еще не поутих?

Андрей. А чего ради ему утихать? С утра до вечера все к нему с подношениями идут, от первых купцов до последней бабы, что пирогами вразнос торгует. А если кто не придет, или принесет мало, он повод найдет, чтобы в тюрьму упрятать, или без повода упрячет, а потом выкуп требует.

Всеволожский. М-да. А в Москву на него никто не жаловался?

Андрей. А какой в этом толк? Вот посмотри: при старом царе он в Сибири воеводствовал, а как тот помер, так скорехонько здесь оказался. Ясное дело, что у него рука в Москве.

Всеволожский. Это отец Никола так считает?

Андрей. Нет, это я сам так сосчитал.

Всеволожский. И ты кому-нибудь про это говорил?

Андрей. Батюшка, я же тебе объяснил, я никогда никому ничего лишнего не говорю. А тебе еще больше скажу. Я знаю, кто у него в Москве. – Вот тут рядом с нами вотчина князя Сонцева. Ты ведь знаешь, какая молва идет про тамошнего управляющего?

Всеволожский. Яков Осина? – Ну, за руку его никто не поймал, но поговаривают, что он всем здешним разбойникам-душегубам голова.

Андрей. Вот то-то, что никто не поймал. И не поймал, и не ловит. Он за своим князем как за медной стеной. А князь этот в дружбе с самим боярином Морозовым. А сам этот Яков Осина у воеводы касимовского принят как свой. Вот и замкнулась цепочка. Ясное дело, что все это одна бражка. Так что, хоть жалуйся в Москву, хоть не жалуйся.

Всеволожский (*недовольно*). Не знаю я, так это, или не так. Мало ли что болтают. Борис Морозов, между прочим, и при покойном царе был в силе.

Андрей. Да, но он тогда был один из многих. И царь был, хоть не Бог весть какой, но все-таки царь. А нынешний государь уж очень молод. И все говорят, что Морозов с ним что хочет, то и делает. Бояре Стрешневы царю родные дядья, а Бориско с ними открыто враждует и близко к царю не подпускает.

Всеволожский. Не Бориско он тебе, а Борис Иванович. Он царю с младенчества воспитателем был и наставником. Понятное дело, что государь его больше других уважает. И нечего глупость говорить, что здешний разбойник Яков Осина под ним ходит.

Андрей. И касимовский воевода тоже нет? (*Всеволожский, насупившись, молчит.*) А касимовский воевода с разбойником Осиной дружбу водит.

В продолжение разговора Евдокия Никитишна и Фима очень внимательно их слушают.

Всеволожский. Это все не наше дело. Нас это не касается. Нам своих забот хватает.

Андрей. Сегодня не касается, завтра коснуться может. Вообще-то отец Никола велел тебе кое-что передать, да ладно, я потом.

Евдокия (*настойчиво*). Нет уж, давай говори сейчас. И при мне, и при Фимке. Ничего, пускай слушает, большая уже.

Всеволожский (*подобрев*). А если ее выгонишь, все равно подслушивать станет.

Евдокия (*тем же тоном*). Я знаю, отец Никола зазря ничего говорить не станет. А у меня у самой насчет всего этого кой-какие мысли есть. Давай говори, Андрей.

Андрей (*как бы нехотя*). Отец Никола сказал, что касимовский воевода Степан Васильевич Обручев завел свои порядки не только для купцов и промышленных людей, но и для господ помещиков. И с большой ревностью следит, чтобы они ему должное почтение оказывали. А еще до отца Николы дошло, что таких, как ты, совсем мало осталось, которые бы ему не поклонились и не поднесли сообразно достаткам своим. И поскольку наш отец Никола тебя и твой нрав хорошо знает, он боится очень, чтобы это око государево тебе какой-нибудь пакости не устроило!

Всеволожский. И что же он советует?

Андрей. То же, что и ты всегда советуешь – быть как все.

Всеволожский. Я к этому Обручеву на поклон не пойду.

Андрей (*просияв*). Вот и правильно. Делал бы он добро, мы бы ему первыми поклонились, верно? (*Отец морищится.*) А при таких делах лучше от него подальше держаться. А то как бы становишься его соучастником и под суд вместе с ним идешь.

Евдокия. Ну под какой еще суд?

Андрей (*с лукавой улыбкой*). А суд один. Помнишь, матушка, я еще маленьким был, заходил к нам Божий странник. Что он говорил? – что суд есть только один, Божий. А наказание приходит по-разному: когда через людей, когда еще как. Я эти слова хорошо запомнил.

Евдокия. От твоих разговоров, знаешь!.. (*Махнув рукой.*) Тебе поповичем надо было родиться, а не дворянским сыном.

Андрей (*покачивая головой*). Нет, дворянскому сыну все же вольготней. Хотя, кто его знает...

Евдокия (*отворачиваясь от него*). Иван Родионович, я к тебе говорю. Я этот разговор не зря завела, и отец Никола, дай ему Бог здоровья, не зря беспокоится. Сами же сказали, что сонцевская вотчина совсем к нам близко. А тут бабы поговаривали, что по деревне какие-то чужие шныряют, когда все на работе, и в них сонцевских признают. А староста Митрофаныч сегодня утром Настасье нашей говорил, что тоже кого-то заметил.

Всеволожский. Где, кстати, Митрофаныч?

Евдокия. На пчельник отправился. – Надо что-то делать, Родионыч!

Андрей. Не поверю я никогда, что Господь нас этим разбойникам выдаст.

Евдокия. Тебе, Андрюшенька, хорошо живется. Чуть что – все Господь за тебя сделает. – Если не можешь сам ничего отцу посоветовать, то лучше уговори его сделать, как отец Никола велит. Ты же так его почитаешь.

Андрей. Ну, ежели надо непременно что-то делать, то по моему разумению лучше всего поехать в Москву. У наших Корионовых немалые знакомства, и даже на самом верху. Афанасий Петрович переговорит с кем надо, а потом дадим знать этому Обручеву, что мы тоже не лыком шиты. И вряд ли он захочет нарываться.

Всеволожский (*насмешливо*). Главное – доехать до Афанасия. (*Фима смеется.*)

Андрей (*невозмутимо*). И до тети Груши тоже. У ней княгиня Троекурова дочь крестила, твою, матушка, родную племянницу. А княгиня Троекурова, между прочим, Верховая боярыня. Она мамка царевны Татьяны Михайловны. И наших она не чурается, она у них на всех свадьбах была, мы же сами ее видели.

Евдокия. Отец, а Андрюша не так глупо придумал. – Очень даже хорошо придумал. (*Фима улыбается.*)

Всеволожский (*раздраженно*). Не знаю, посмотрим. Они же небось в деревне. И мне сейчас не до этого. У меня хлеб не обмолочен, самые жаркие дни. Там видно будет. (*К Андрею*) Ступай-ка на пчельник, скажи Митрофанычу, что он мне нужен, и поскорее.

Дорога на пчельник.

Андрей идет, думая о своем. В ушах у него звучит голос странника: «Встретимся у Афанасия Корионова». «Ты же звал меня к себе домой, там и встретимся».

Андрей начинает двигаться вприпрыжку, большими шагами, как бы летя по воздуху.

В доме Всеволожских.

Евдокия. Иван Родионыч! Что ты против имеешь, чтобы в Москву поехать?

Всеволожский. Кабы ты знала, Авдотья, какая дурь у твоего сына в башке, тебе бы сделалось!.. О-хо-хо! – А кто его мог этому научить? Только твой зять, великий грамотей Афанасий Корионов.

4. Москва. Ночь.

Городская усадьба князей Прозоровских. Домик управляющего. Трофим Игнатьевич, управляющий князя, просыпается в своей постели. Прислушивается. Встает, подходит к окну. Видит мелькающую тень.

Дальний конец усадьбы.

Слуга (Ерошка), забравшись на бревна, собирается перебросить через стену какой-то сверток.

Трофим (*подбегает, хватая Ерошку*). Стой, подлец! (*Ерошка падает на колени перед Трофимом.*) Так вот ты чем занимаешься!

Трофим взбирается на бревна, видит убегающего сообщника Ерошки.

Ерошка (*на коленях, обнимая ноги Трофима*). Батюшка Трофим Игнатьич! Прости, прости, бес попутал!

Трофим (*указывая на сверток*). Где взял?

Ерошка (*всхлипывая*). В том сарае. Там рухлядь всякая давно лежит. Я думал, не нужно никому.

Трофим. В том сарае что лежит – для раздачи бедным. Бедных грабить легче, чем богатых. Ладно, что бы ни пропало, вина на мне. Я же видел, когда брал тебя, что ты лжец. Да вот понадеялся на авось. (—) Сейчас же убирайся вон.

Ерошка (*плача*). У меня дети малые!..

Трофим. Да ты в своем уме? Ради твоих детей я и отпускаю тебя. А то кликнул бы сейчас стражу. Хорошо бы тебе пришлось.

Ерошка за воротами.

Ерошка (*злобно глядя на усадьбу*). Ну хорошо, Трофим Игнатьич, погоди, еще посмотрим, чье воровство старше.

Рассвет. Василий Матвеевич входит в Москву. Идет по улицам.

Усадьба Прозоровских.

Трофим и его помощник Поликарп.

Трофим. Ну что, много он успел стащить?

Поликарп. Осталось больше, но и украдено порядком.

Трофим. Черт бы побрал этого Ерошку! Но и я хорош, старый осел.

Поликарп. Не пойму я, Трофим Игнатьич, почему ты должен за это платить? Зря ты его отпустил, его и сейчас разыскать не поздно.

Трофим (*понижая голос*). Ты что, вчера родился? Отдать человека под суд – все равно что жизни его лишить, даже если он на копейку украл. А у него дети мал мала меньше. (—) А если мне самому с ним разбираться, то еще неизвестно, кому больше сраму будет. Придется за свою глупость расплачиваться. Ведь видел же, видел, когда брал.

Поликарп. Так зачем же ты его взял?

Трофим (*морицась*). Тот прислал, да этот попросил. Ведь не на облаке живем. Приходится порой угождать, кому не хочешь. (*Вздыхает.*) Я вот тебя тоже с неохотой брал, потому что тебя от Одоевских прислали, а я князей этих терпеть не могу, и челядь их вся такая же. Я даже удивился тогда, что это они заботиться о нас вздумали. А посмотрел на тебя – и взял. И не ошибся.

Поликарп. Спаси Господи, Трофим Игнатьич. Верно говоришь, не ошибся.

В комнату заглядывает слуга.

Слуга. Поликарп Самсоныч, там Божий странник у ворот. Будешь с ним беседовать, или дать хлеба – отпустить?

Поликарп (*встрепенувшись*). Иду-иду!

Поликарп быстрым шагом идет к воротам. У ворот стоит Василий. Они обмениваются многозначительными взглядами.

Поликарп ведет Василия под локоть к дому Трофима.

Поликарп. Мы Божьим людям всегда рады. Накормим, напоим, премудрости поучимся. (*На ухо ему*) Далеко ходил, Василий Матвеевич?

Василий. Дальше Tobольска побывал.

Поликарп. Сколько же времени прошло? (*Считает про себя, загибая пальцы.*) Быстро же ты стал ходить.

Василий хитро усмехается. Поликарп вталкивает его в комнату Трофима, сам располагается в соседней на страже. Заодно сверяет какие-то бумаги, расписки и прочее.

Трофим и Василий обнимаются, целуются.

Трофим. Василий Матвеевич!

Василий (*усаживаясь*). Ну что братья-лебеди?

Трофим. Как весной разлетелись, с тех пор никого не было.

Василий. Стало быть, я первый. Скоро и остальные слетаться начнут. Жди.

Трофим. Остановишься у нас?

Василий. Нет, я к другу твоему отправлюсь. Я ему давно обещал, и дело одно у меня с ним есть.

Трофим. Вот праздник будет Афанасию Петровичу!

Василий (*тихо и сердито*). Трофим! Сколько раз тебе было говорено, не называй зазря никаких имен.

За дверью улыбающийся Поликарп прикладывает ухо к щели.

Василий. Мы же оба знаем, о ком речь, и довольно. В Притчах сказано – «остерегайся даже во внутреннем покое твоём». Это что – не к тебе относится, а к кому-то там?

Трофим. Ну прости, прости, Васенька. Это я от радости.

Василий. Как твой сынок, Игнаша, что пишет?

Трофим. Жизнью своей доволен, Господу благодарен. А все не так гладко. Городок-то у них Архангельский, а власть у нас всюду (*шепотом*) не бесовская, так московская. Всё, что можно сделать, чтоб людям не жилось-не работалось, всё сделают, ничего не забудут. Пишет Игнатка, что всякий раз, как снарядит корабль в Норвегу или в Свевию, не один, так двое с него сбегут и там останутся. Аж до слез обидно. Совсем оскудеет Русская земля.

Василий. Не плачь, не оскудеет. Скоро народ в другую сторону потечет. Сибирь всех примет. А кого надо, сокроет до поры.

Трофим (*шепотом*). Лютые указы против народа готовятся. Наш князь, и тот сокрушается.

Василий (*кивает утвердительно*). Мне в странствиях моих порой приходилось ночевать в глухом лесу. Сплю я, а вокруг город шумит. Просыпаюсь, а на сердце радость. Значит,

быть тут городу. Будет где человеку и Господа своего вспомнить, и о себе подумать. – Я пойду, Трофимушка. Довольно тебе со странничком беседовать, много их тут ходит, со всеми не наговоришься. *(Встает, подмигивает.)* А хлеб у тебя невкусный.

Трофим *(разводя руками)*. Ну Васенька!

Василий *(лукаво)*. Тот, что у меня в котомке, все равно слаще, – пойду я.

Трофим. Дорогу до Яузских ворот найдешь? У него дом...

Василий *(перебивает свистящим шепотом)*. Зна-ю. Не знал бы, сам бы спросил.

Трофим. Ну не сердись, родной. Сам ведь говоришь: Бог не выдаст – свинья не съест. *(Обнимаются)*

Поликарп, кланяясь, провожает Василия до ворот.

5. Утро. Пробуждение деревни, Андрея, Фимы, родителей...

Женские руки вынимают из ларца серьги, ожерелья и другие украшения.

Старое лицо Настасьи Порфирьевны в нарядном уборе.

Настасья. Хватит, матушка Евдокия Никитишна. Куда ты меня, старую, разряжаешь?

Евдокия. А пусть все видят, как мы тебя любим.

Настасья. Ни дать ни взять – боярыня.

Настасья, сопровождаемая мальчиком, несущим корзину, выходит из дому. Андрей и Фима за воротами.

Андрей. Куда это Настасья собралась?

Фима. Ты что, забыл? Свадьба сегодня у ее крестницы.

Настасья *(поравнявшись с ними)*. Ну вы тут смотрите без меня! Чтоб ни-ни!

Медленно удаляется в сопровождении мальчика. Фима и Андрей смотрят ей вслед, потом начинают двигаться в ту же сторону.

Андрей. Там, небось, вой стоит, как на похоронах. – Фим, а почему на деревенских свадьбах всегда плачут?

Фима. Я-то знаю, почему.

Андрей. Ишь ты, какая умная. И что же ты знаешь?

Фима. А вот то знаю, что пойду замуж только за того, кого я люблю. Ну... кого буду любить.

Андрей. А как ты узнаешь, ты любишь его или нет?

Фима. Уж я-то знаю, как.

Андрей. Ну скажи, Фима, скажи! Во сне что ли видела?

Фима. И во сне тоже видела.

Андрей *(почти про себя)*. Мне вот тоже порой такое снится!.. Все на свете бы отдал...

Фима. А что тебе снится, Андрюша?

Андрей. А вот не скажу!

Фима. Ну скажи, скажи!

Андрей. А вот догони меня, тогда скажу.

Он бежит, она за ним. Он задерживается, дает ей поравняться с собой, потом бежит дальше. Наконец, они оба падают на небольшой стог сена, по разные его стороны, и лежат, глядя в небо.

Фима. Андрей, помнишь сказку про Финиста – ясного сокола?

Андрей. Еще бы!

Фима. За что его старшие сестры возненавидели? Они же получили, что хотели, — и платья, и кольца с серьгами. А младшей ничего не нужно было — только он, Финист — ясный сокол. А они его решили погубить.

Андрей. Я тоже об этом думал. Ведь вот если сейчас вот так раскинуть руки и взлететь, обязательно кто-нибудь подстрелить захочет. (—) Ну и пусть. Ведь ежели взаправду взлетишь, то уже никто не достанет.

Фима. Андрюшенька, а эта Маша Барашова, она тебе очень понравилась?

Андрей взбирается на верх стога и, свесившись сверху, заглядывает ей в лицо.

Андрей. Евфимия Ивановна! Ты все ягненком прикидываешься, а сама вон какая хитрющая! Хочешь меня женить? Думаешь, родители меньше на тебя наседать будут?

Фима. Да я не просто женить хочу, я хочу, чтобы она оказалась прекрасная и чудесная, и чтоб ты ее очень-очень полюбил.

Андрей. Эх ты, добрая душа! Я сам того же хотел бы, да разве сразу распознаешь?

Андрей, лежа на стогу, долго смотрит в небо.

Андрей (*дразнит Фиму*). А вообще-то, Фима, ничего из этого не выйдет. У родителей решено, что пока тебя замуж не выдадут, меня не женят. Так что, пока ты от женихов прятаться будешь, Машу еще за кого-нибудь отдадут.

Андрей берет длинную соломинку, приставляет ее Фиме к кончику носа.

Андрей. Готова ли ты, о Евфимия, пожертвовать собой ради братнего счастья? Ну говори, чего ты молчишь?

Фима (*цуть не плача*). Андрюшенька, ну зачем ты так! Отец с матерью не изверги какие-то. Они нас любят. Если ты попросишь... Мы в ноги им кинемся! Они тебе разрешат...

Андрей. Да подожду я еще в ноги бросаться! (*Вытягивается на стоге, глядя в небо.*) Положусь-ка я лучше на Божью волю.

Фима (*уткнувшись в сено*). Ты пойми, Андрей, я ведь точно знаю. Если меня против воли замуж отдадут, я жить не смогу. Я не стану плакать, как деревенские на свадьбах, просто из меня вся жизнь уйдет, и я умру. И никому от этого радости не будет. И тому, кто меня возьмет, тоже радости не будет. (*Фима неслышно плачет.*) Если такая моя судьба, пусть я лучше в девках останусь. Буду твоих детей нянчить. Буду им сказки рассказывать. Про царевну. Ту, что в хрустальном гробу лежала и жениха своего дождалась.

Глава вторая

1. Москва.

В Спасские ворота Кремля въезжает всадник. Спешивается возле роскошного крыльца. Ему навстречу со ступенек сбегает слуга.

Слуга (*принимая поводья*). Наконец-то, Кузьма Кузьмич! Борис Иванович тебя заждался.

Кабинет Морозова.

Завидев Кузьму из окна, Борис Иванович, величественный чернобородый боярин, нетерпеливо подходит к двери.

Входит Кузьма.

Морозов. Ну что из Англии? Что Карла?

Кузьма. Конец Карле. Мужики его в плен захватили.

Морозов (*всплескивая руками*). Я этого не ждал. Я этого не ждал. Что же теперь будет?

Кузьма. Судить его будут. (*Подчеркнуто цитирует*) За вины перед Богом и народом.

Морозов (*качая головой*). Мужики! Судить венценосца!

Кузьма. А знаешь, что они говорят? (*Наклоняется к его уху*) Оттяпаем ему голову вместе с короной.

Морозов. Да, тут уже сказать нечего. Ну и мужик аглицкий, до чего же злобный. Нашему такое не приснилось бы.

Кузьма. Да? – Ты, Борис Иванович, человек мудрый, но про русского мужика ты лучше у меня, у мужика, спроси. Русский мужик, как медведь, до тех пор смирный, пока на цепи сидит. И чем тяжелее цепь, тем для него лучше. А на деле, он всех на свете злее. И хитрее всех. Ну да ладно, прости ему Господи.

Морозов в задумчивости расхаживает по комнате.

Кузьма. Это, стало быть, аглицкий товар. А из Франции не изволишь?

Морозов. Уже что-то есть? Неужто купцы успели вернуться?

Кузьма. Купцы вернулись. А королева с детьми как убежала из столицы, так туда и не возвращалась. Князья там всю хозяйничают. А ей объявили, что пока она своего советчика и полюбовника Мазариния не прогонит, они ее назад не пустят.

Морозов. Змеи подколенные! Да они все вместе его мизинца не стоят.

Кузьма. Твоя правда, Борис Иванович. Только она его уже прогнала. С тяжелым сердцем, наверное, и не насовсем... Но эта свора своего добила.

Морозов. Да, ну и день сегодня! – Кузьма, ты проследи, чтоб ни один звук!..

Кузьма. Да что ты, Борис Иванович! У меня все иноземцы – вот! (*Показывает руками, как он их держит*.) А свои знают, что если что – допытаемся, через кого утекло, и уж тогда!.. И вообще, многая знания – многая огорчения. Русский человек и так нелегко живет, зачем его лишний раз огорчать?

Морозов. Кое-кто очень бы даже возрадовался. Все мои ненавистники. Стрешнев – первый.

Кузьма. Да будет тебе, Борис Иваныч. Так-таки нет никого лютее Стрешнева! Подумаешь, царский шурин!

Морозов. Да ты что, Кузьма, глаза протри! Ты в Москве, али в Мадрите? Царский шурин! А Борис Годунов кто был, не царский ли шурин? (*Понижает голос*.) А Романовы откуда пошли? Не от царского ли шурина? – Мы со Стрешневым не на жизнь, а на смерть боролись, и если бы Господь не прибрал вовремя царицу Евдокию, не знаю, что сейчас бы было. Вернее всего, лежал бы я на погосте, а ты возле того погоста свиней бы пас.

Кузьма (*покачивая головой, тихо*). Нет, я теперь Кузькой ни за что не буду. Только Кузьмой Кузьмичом.

Морозов. И они ведь никуда не делись, ни Стрешнев, ни братец его. Царские дядья, родная кровь!

Кузьма (*мрачней*). Рано или поздно новая родня появится.

Морозов (*усмехаясь*). То-то и оно. (—) Ну ничего, мы это дело на самотек не пустим. У этого царя будет шурин, какой надо.

Ладно, Кузьма. Товар твои купцы привезли скверный. Надобно его получше продать.

2. Царский двор.

Сокольничьи ставят на телегу клетки с соколами. Одна еще пуста. Князь Прозоровский, молодой красавец, играет с соколом, который никак не хочет в клетку.

Прозоровский. Ну что же ты, Яхонт? Ты ведь теперь не мой. Ты теперь царский.

У царя.

Алексей играет в шахматы с дьяком Чистым. Рядом шут Ванятка возится с большим котом.

Чистой. Ну что, государь, давай делать мировую.

Алексей. Хороша мировая. Разбил меня в пух и прах.

Чистой. Ничего. Через год-другой ты меня так же разобьешь.

Ванятка. Тоже мне радость – деревянные коняги. Зверь должен быть теплый, пушистый, вот как мы с Парфентием. А ты, батюшка, не забыл, что завтра у нас потеха в селе Покровском?

Чистой (*морщась*). Да что в ней хорошего, в медвежьей травле?

Ванятка. Не любишь этой потехи, Назар Петрович?

Чистой. Не люблю. (*С иронией*) Не христианская это забава.

Ванятка. Да что ты, батюшка! Там такой медведь! Ходит на задних ногах, водку пьет из стакана. Утирается, кланяется, благодарит. Разве ж это не по-христиански?

Входит Прозоровский.

Прозоровский. Все сделано, государь. Отправил я их в Сокольники.

Алексей (*милостиво*). Отцу не забудь мою благодарность передать. Ну и соколы, я бы с такими ни за что не расстался.

Прозоровский (*улыбаясь*). Ну ничего! Ты же без меня на охоту не поедешь, а я без тебя – тем паче.

Появляется Морозов с мрачным лицом. Все прочие удаляются. Морозов лично закрывает дверь.

Царь и Морозов вдвоем.

Алексей. Ну что там с Карлой?

Морозов подходит к нему вплотную, шепчет на ухо.

Алексей. Борис Иваныч, да что ты! Казнить! Помазанника Божия!

Морозов. Бабке его родной, королеве Марии, отрубили же голову. И никто не шелонулся.

Алексей (*задумчиво*). Это все их вера, Иваныч. Ересь их злосчастная. Они церковные власти отрицают, значит и царская власть для них ничто.

Морозов (*крестясь*). Нас Господь от ересей хранит. Для русского мужика царь все равно что Бог. Но и нам хлопот хватает. (*Тяжело вздыхает.*) Да, вот еще. Не ждали мы так скоро вестей из Франции, а они пришли. (*Шепчет царю в самое ухо.*)

Алексей. Да, этим в Москве никого не удивишь.

Морозов. С князей-бояр ни днем, ни ночью глаз спускать нельзя. За кого поручиться можно, что он не мнит себя на царском престоле? Не зря Иван Грозный крошил их безо всякой пощады.

Алексей. Не надо Грозного, Иваныч, слышишь, хватит с нас. Он семьдесят лет в гробу, а всех от него трясет.

Морозов. Напрасно ты так о нем, государь. Иван Грозный – великий царь, прадед твой двоюродный.

Алексей. Семиюродный! Тоже мне родство. – Мой отец по Божьей воле был избран царем. А дед от великой смуты Русскую землю успокоил. И никакое родство тут ни при чем. Я что, не догадываюсь, что они промеж собой говорят? Они все от Рюрика, от Рюрика, а мы невесть от кого.

Морозов. Да пусть только кто пикнуть посмеет! Язык вырвать! – Да кто он такой, этот Рюрик? Кто его видел, может, его и не было никогда.

Алексей (с *отвращением*). Да ладно, Иваныч! Всем подряд, что ли, языки вырывать будем? – Царствовать со славой надо, вот что! Киев вернуть, все вернуть, что они потеряли, Рюриковичи эти. А уж потом! Дал бы Бог силы! (*Смотрит на часы немецкой работы, изукрашенные готическими баиньями и рыцарями.*) Разве не больно видеть, как еретики благоденствуют, а православные христиане под басурманским игом стонут? – Святыни Цареграда в поругании, а мы тут всё грыземся. (*Шепотом*) Аще забуду тебе, Иерусалиме...

Морозов падает на колени перед царским креслом, целует ему руку.

Морозов. Алешенька, дитяtko мое бесценное! Благодарю Господа, что дожил до этого дня, что такие речи от тебя слышу. (*Всхлипывает, утирает слезу.*)

Поднявшись, продолжает в другом тоне.

Морозов. Киев будет наш, вся Малороссия будет. Ну год еще, ну два, три. Аршин версте не расчет. И Смоленск вернем, и Северские земли. Я об этом твоему отцу клялся, и тебе поклянусь. Всего себя на это положу. А то великое, что у тебя на сердце, того мои глаза уже не увидят. Над этим ты и дети твои трудиться будут.

Морозов встает, начинает похаживать по комнате, затем кивает сам себе, мол, давай.

Морозов. Есть у меня к тебе разговор, государь. Важный разговор.

Ты по воле Божьей царство принял ребенком, и хоть тому третий год пошел, а народ все на тебя как на малое дитя смотрит. С любовью смотрит, но одной любви мало. Страх нужен, страх родит покорность, а не одна только любовь. А какой страх перед малым дитятей, за которого бояре всё решают? (—) И боярам это очень на руку.

Жениться тебе надо, вот что. Человек, у которого свои дети, сам уже никак не дитя.

Алексей (*раздумчиво*). Жениться можно, да только на ком?

Морозов (*пожимая плечами*). Соберем девиц со всех волостей, по отеческому обычаю. Самую лучшую и выберешь.

Алексей (с *нафосом*). По обычаю! Стыдобище это, а не обычай! Другие государи так женятся?

Морозов. Что об этом говорить? По нашей что ли вине нет больше православных государей? А еретики вон что творят, власть королевскую отвергают.

Алексей. Да, других православных государей нет. Это нам известно.

Морозов. Но ежели с другой стороны посмотреть, обычай еще не закон. В твоей царской воле и переменить его. Можешь бояр созвать, у них порасспрашивать о достойных девицах. Боярыня Годунова тебя с младых ногтей нянчила, и теперь как мать о тебе печется. С ней посоветуешься. На все твоя воля, воля царская.

Алексей (*пряча улыбку*). Да, так наверное было бы лучше всего. Только я вот чего боюсь, Иваныч. Станут говорить, что вот, мол, годами молод, а уже отческий обычай переменяет. Нехорошо это.

Морозов. Прежние цари тоже не всегда смотрины устраивали. Иван Грозный не один раз был женат. Он и по сватовству жен брал.

Алексей (*отворачивается и смеется*). Да молод я очень, молод, Иваныч. А что не так сделаю, сразу же на тебя свалят, вот, мол, Морозов его подучил. – (*Громко вздыхает.*) Так что, ничего не поделаешь, готовь указ. Я подпишу.

Морозов. Не один придется подписывать, голубчик мой, в каждую волость свой пойдет.

Алексей. Хорошо, хорошо, составляй. (*После паузы*) Иваныч, не надо, чтобы в Москве знали это всё – про Карлу, про Францию.

Морозов (*с готовностью*). Алешенька, родимый, да на что ж тогда у тебя твой старый дядька, твой Иваныч! Он жив еще, он еще не помер.

3. В соседней комнате.

Прозоровский смотрит в окно. Новый посетитель, Федор Ртищев, играет с котом.

Ванятка. Вот так всегда. Стоит только Федору появиться, как Парфентий сразу же про меня забывает. Предатель.

Прозоровский. Что-то тут нечисто. Видно, измену они замышляют. К полякам переметнуться хотят.

Ванятка. Ах, как же я раньше не додумался. Царю надо непременно доложить.

Федор. Попались мы с тобой, Парфентий!

Кот на руках у Федора начинает проявлять беспокойство.

Прозоровский. Казнить обоих!

Дверь открывается, входит Алексей. Кот стремглав бросается к нему и трется о его ноги. Все хохочут.

Алексей (*важно*). Дети вы малые. Вам бы все играть и смеяться.

4. Горница царевен.

Ирина Михайловна (старшая) и Татьяна Михайловна (средняя) сидят за пяльцами. Анна (младшая) играет с ниткой жемчуга. По комнате рассказывает старая боярыня, княгиня Вяземская.

Вяземская (*рассматривая настольные часы*). Ну чудо просто! Я таких и не видывала даже.

Ирина. Одно слово – царский подарок.

Вяземская. Спаси Господи, любит вас братец. Немецкая работа?

Ирина. Голландская. Трое таких часов купцы голландские поднесли. Одни государь себе оставил, другие нам подарил.

Вяземская. А третьи кому?

Ирина (*с деланным удивлением*). Как кому? Третьи – боярину Морозову.

Вяземская. Борис Иванович – царю верный раб. И в делах государственных весьма умудрен.

Татьяна. Да разве кто спорит? Но он ведь не один на свете. А других бояр и близко к царю не подпускает. Дядей наших, Стрешневых, совсем оттеснил, даже мы их не видим. А они нам родная кровь, и нас любят.

Вяземская (*твердо*). И Борис Иванович вас очень любит. (*Наклоняется к Ирениному вышиванию.*) Ох и птица у тебя получилась – загляденье.

Анна. А клетка у нее еще лучше получится. (*Вяземская в растерянности.*) Мы очень хорошо в клетках толк знаем.

Ирина (*понижив голос, испуганной Вяземской*). А я это каждый день слышу.

Татьяна. Мы тут и не такое слышим.

Ирина (*невозмутимо вышивая*). Ты, Анна Михайловна, не знаешь, как люди на свете живут. С утра встают – и не знают, будет у них вечером кусок хлеба или нет. (*Вяземская и Татьяна согласно кивают.*) А когда тот кусок добудут, то он им не в радость и в горло не идет, таким потом полит.

Анна. Так это, по-твоему, хорошо? Я этому радоваться должна?

Татьяна. И в замужестве тоже ничего хорошего нет. Простые жен бьют, а знатные на свой лад издеваются.

Ирина. Что простые! Князь Мышецкий жену до смерти забил, и с рук сошло, всё замяли.

Татьяна. И еще каждый год рожать...

Вяземская. Далеко ходить не надо. Я вот, шестнадцать раз рожала, а детей у меня всего двое.

Анна. А что, лучше бы их совсем не было?

В передней.

По лавкам сидят старые и молодые служанки, карлица Лизавета. Одна из служанок (*Анфиса*) нервно прохаживается перед дверью.

Анфиса. Не надобно ли чего царевнам?

Старуха. Надобно будет – кликнут. Не входи зазря, Анфиса, Ирина Михайловна осерчает.

Анфиса резко поворачивается и уходит.

Карлица (*закрывая ручками глаза*). Ой! Вижу – идет к нам светлая боярыня Годунова!

Старуха. Твоя правда, Лизавета. И мне сердце подсказывает – посетит нас свет-Дарья Кирилловна.

Молодая служанка. Ой, и у меня что-то живот схватило!

Анфиса бежит по узенькой улочке городской части Кремля. Входит в дом, избегает по лестнице. Ей навстречу другие служанки.

Анфиса. Где ваша боярыня?

Служанка. С утра на богомолье уехала, к Сретенью.

Анфиса. Когда вернется, не сказывала?

Служанка. Да уже пора. Обедать дома собиралась. – Да ты садись, подожди ее.

Анфиса садится на скамью. Сидит, сцепив пальцы.

Горница царевен.

Анна. Но ведь нигде во всем мире такого нету – чтоб царских дочерей замуж не выдавать.

Ирина. Ты, царевна Анна, все прекрасно знаешь. Тысячу раз говорено. Из православных государей никого кроме нас не осталось. Все, кто есть, для нас еретики. (*Усмехаясь*) Мы для них – тоже.

Анна. А что, русские князья перевелись?

Ирина. Мы царского роду, и русские князья нам теперь не ровня.

Анна (*со всей злостью*). Да, они нам не ровня. Иные из них нас познатнее. Они от Рюрика, а мы от кого?

Сестры (*вскакивая с мест*). Замолчи, Анька! Слышишь, замолчи!

Анна выбегает в боковую дверь. Княгиня Вяземская бросается за ней.

Вяземская находит Анну в узкой комнатенке. Она сидит на сундуке, уткнувшись в угол. Княгиня садится рядом, обнимает ее, гладит.

Вяземская. Ну пойдем со мной, попросишь у сестер прощения, и все забудется.

Анна (*выпрямляясь*). Никуда я не пойду. Я всегда в этот час здесь бываю. (*Обводит взглядом окошко, как какую-то драгоценность.*) Вот у этого окна стою.

Вяземская. Чего ради, Аннушка?

Анна (*вызывающе*). А в этот час князь Прозоровский всегда от царя выходит и тут под окном на коня садится.

Вяземская. Который Прозоровский? Сергей, что ли, меньшой сын Симеон Васильевича?

Анна. Ну да. А я стою тут, и на него смотрю.

Вяземская. Аннушка, милая! Но ведь стыд какой, тебе, царской дочери, вот так открыто на молодого боярина глазеть.

Анна. Так он же меня не видит. Он сюда не смотрит, он на коня своего смотрит. (*Бросается на шею Вяземской.*) Крестная, милая, плохо мне, пропадаю я! Ни о чем другом думать не хочу. Весь день только этим живу – как стану здесь и как на него посмотрю. А потом до утра вспоминаю.

И ведь некому сказать, и терпеть нет мочи. Иной раз боюсь, что не вытерплю и закричу.

Вяземская. Закричи. Закричи, чтоб все услышали и Морозову донесли. А уж он сам домыслит и свидетелей найдет, что князь Прозоровский царевну околдовал и престол царский захватывать собирается. И отрубят ему голову. И тогда твое сердце успокоится.

Из горницы царевен доносится звон часов.

Анна. Ну все, не видать мне его сегодня.

Анна бросается к окну. Во дворе князь Прозоровский сидит на лошади и искоса поглядывает наверх. Заметив Анну, он улыбается, трогает поводья и уезжает.

Анна (*шепотом*). Крестная, он видел меня, он меня ждал.

Анфиса продолжает сидеть на своей лавке. Открывается дверь внизу, входит с прислужницами боярыня Годунова, царская мамка. Анфиса бросается ей навстречу.

Анфиса. Княгиня Вяземская у царевен.

Годунова. Давно?

Анфиса. Больше часу.

Годунова. О чем говорят, не знаешь?

Анфиса. Нет, матушка, побоялась войти.

Годунова. Хорошо сделала. (*Не входя в свои покои, разворачивается, направляется к царевнам.*)

Годунова по-хозяйски входит к царевнам. Татьяна и Ирина за вышиванием. Анна с Вяземской сидят рядом на диванчике, Вяземская держит руку царевны в своих.

Годунова (*подходя к Вяземской*). Век тебя не видела, Анна Васильевна. Вот и крестница, гляжу, тебе рада.

Вяземская. Да какая от меня, старухи, радость. Битый час болячками своими похвалялась. А тебе, матушка, вот что скажу. Хрен, на водке настоящий, от суставов чудо как хорош. И пить его, и втирать, и примочки делать.

Годунова (*пожирая ее глазами*). Надо попробовать. И меня суставчики вконец замучили.

5. Алексей один.

Расхаживает по комнате, смотрится в зеркало; потом бегом направляется в комнату своей няньки.

Нянька занята рукоделием. Входит Алексей.

Алексей (*с порога*). Федора!

Федора. Что, голубчик мой?

Алексей. А вот то! (*Выдерживает паузу, глядя ей в глаза.*) Женюсь я. У меня скоро свадьба. (*Федора всхлипывает, утирает слезы.*) Ну вот, я думал, ты обрадуешься, а ты ревешь.

Федора (*становится на колени, целует ему руку*). Прости, батюшка, прости, родной. Это я родителей твоих вспомнила. Уж такая радость, такая радость. – Так на ком женишься?

Алексей (*поводя плечами*). Кого выберу.

Федора (*со страхом*). Смотрины будут?

Алексей. По обычаю.

Федора (*в сердцах*). Ох уж этот обычай.

Алексей. Очень даже хороший обычай. (*Скачет по комнате.*) Пре-крас-ный! Чу-дес-ный! Ты ж сама мне сказки сказывала, как царевичи на край света отправлялись за ненаглядной красой. А я царь. Ко мне со всего света красавиц свезут. А я выберу самую лучшую, самую прекрасную. (*Кружится по комнате, смеясь.*)

Федора. Дите ты, дите. Разве жену, да еще царицу, глазами выбирают? Ее умом выбирать надо. (*Стучит по лбу.*) Господь твоих родителей прибрал, тебе Морозов и боярыня Годунова вместо них. На кого они укажут, ту и бери.

Алексей. Ну уж нет, жениться за меня никто не будет!

Федора. Зачем ты так – жениться за тебя! В таком деле важном совета спросить – и сто раз, и двести, все много не будет. Не приведи Господь ошибиться. (—) Ты вот сказки вспомнил! В сказках все легко. В сказках и царствовать легко – поди туда, не знамо куда, принеси то, не знамо что. И идут, и несут, – а на деле? Ты ведь еще толком царствовать не начинал, а скажи, легко ли это?

Алексей (*со вздохом*). Совсем не легко. Но почему-то всем хочется. Ну не всем, так многим.

Федора (*в ужасе*). Кому хочется? Извергам и супостатам?

Алексей. Да ладно, Федора, это я так сказал. Не твоего это ума дело.

Федора. Правильно, не моего. – А Борис Иванович и о тебе, и о царстве твоём день и ночь помышляет, о себе самом и не думает. Уж сколько лет он вдовый, ему и жениться недосуг. Всё в трудах!..

Алексей. Я ему жениться не мешаю.

Федора. Ты себе не помешай. На одной красоте жениться нельзя. Надо вызнать, какого нрава, умна ли, и что за родня. Вот что важно. А вдруг они станут Борису перечить? Опять пойдут свары, давно их не было!

Алексей. Знаешь, нянька, мне, конечно, лет мало, но я царь, а не дурачок какой-нибудь. Морозов останется Морозовым, а новой родне тоже место найдется. (—) Если бы мне в приданое Киев давали или Волынь, было бы о чем говорить! (*Говорит серьезно и даже грустно.*) Если я не сам выберу, я же не смогу ее любить. Что ж я должен, только для блага народного жениться, а своего счастья мне не положено?

Федора. Голубчик мой, цветик мой лазоревый! Я же все это говорю, о тебе забота. Мне кроме твоего счастья ничего на свете не нужно. (*Целует его руку.*)

Алексей. Ты лучше помолись за меня, Федора, чтобы все получилось. И чтобы она меня полюбила, как я ее.

6. У Морозова.

Морозов за столом просматривает бумаги, отдает секретарю. Рядом Кузьма Кузьмич. Секретарь выходит, Кузьма подходит к окну.

Кузьма. Борис Иванович! К нам протопоп идет.

Морозов (*не отрываясь от бумаг*). Мне с ним надо поговорить.

Кузьма. Значит, почувствовал. Он прямо бежит.

Те же и протопоп.

Морозов. Вдвойне тебе рад, отче Стефан! Есть важное дело.

Стефан (*отдышавшись*). И у меня очень важное. – Ересь открылась. Страшная ересь, хуже жидовской.

Морозов разводит руками и иронически переглядывается с Кузьмой.

Морозов. Слушаю тебя со всем вниманием. Что за ересь?

Стефан. А вот послушай очевидца. (*Подходит к двери.*) Заходи!

Входит изгнанный слуга Прозоровских и бухается на колени перед Морозовым.

Морозов. Кто таков?

Ерошка. Ерошкой зовут. Ерофей Петров.

Морозов. Чем занимаешься?

Ерошка. Служил в усадьбе князя Прозоровского.

Морозов делает недовольную гримасу.

Кузьма. Служил. А теперь, значит, не служишь?

Ерошка мотает головой. Кузьма хмыкает.

Морозов. Так что за ересь? Где ты ее отыскал?

Ерошка. Сейчас скажу. У князя Прозоровского управляющим Трофим Игнатьевич.

Морозов (*кивая*). Ну-ну.

Ерошка. Живет он в той же усадьбе, в отдельном доме. В доме том подвал. А в подвале окошки вровень с землей, вот там они и молятся по-своему, еретики эти. Встанут в кружок на колени, руки над головой поднимут – и молятся. А я на землю лег и в окошко подсмотрел.

Морозов (*в полном недоумении*). У них там что, церковь в подвале?

Стефан (*приходя на помощь Ерошке*). Сейчас я тебе разьясню, Борис Иванович. Совершается общая молитва вне церкви, без икон, без крестного знамения (*доносчик кивает на все это*), втайне от властей.

Морозов (*в ужасе*). И князь тоже в их молитвах участвует?

Ерошка. Нет-нет, князя я с ними никогда не видел. В подвале в этом. Но однажды он заходил и беседовал с одним. Такой с большущей бородой, которого они больше всех почитают.

Морозов. И за что же они его почитают?

Ерошка. Да он, как будто бы, невесть сколько лет живет и не помирает. И пройти может где угодно. Хоть по воде, хоть сквозь стену.

Кузьма (*в полном изумлении*). Неужто сам Михайло Иванов?

Ерошка. Да, Михайлой Ивановичем его зовут.

Стефан. Ты что, слышал о нем, Кузьма Кузьмич?

Кузьма. Об этом Михайле, отче Стефан, слышали еще в царствование Василия Иоанновича. Да редко кто верил в него, чаще все это баснями считали. (*К Ерошке*) Так ты его видел живьем?

Тот испуганно кивает.

Морозов. Так сколько же ему лет?

Протопоп тот же вопрос повторяет беззвучно.

Кузьма (*весело*). Вот сами и считайте, я на его крестинах не был.

Морозов. А остальные что? Тоже по воде ходят? Откуда они берутся и куда деваются?

Ерошка (*в замешательстве*). Ну... я... Иной раз кто-нибудь так у Трофима и стоит, а другие еще где-то стоят... Сойдутся, а потом расходятся...

Кузьма. А что ж ты за ними не проследил?

Ерошка (*в еще большем замешательстве*). Да я хотел... Да это все равно без толку. Они, как выходят за ворота, так будто растворяются. Я сам слышал, как один хвалился, что может невидимым пройти, а другие посмеивались и говорили, что очень даже можно, если очень нужно.

Кузьма прохаживается по комнате, выразительно переглядываясь с Морозовым.

Кузьма. Ну хорошо, а сейчас кто-нибудь из них стоит у Трофима? (*Ерошка отрицательно мотает головой.*) А давно они на молитву свою еретическую сходились? (*Ерошка молчит.*) Что не отвечаешь? Давно, значит. А теперь их и вовсе нет, разлетелись пташки. Так почему же ты, когда надо, не донес? Чего ждал? Ждал, пока Трофим Игнатийч тебя за воровство выгонит?

Ерошка ударяет головой об пол.

Кузьма (*выглядывая за дверь*). Кликни сюда Лавруху! Пусть он возьмет этого и выведет его через Боровицкие ворота.

Кузьма выпроваживает Ерошку.

Стефан. Кузьма Кузьмич, что ж ты не спросил, где его потом искать? Он ведь еще понадобится.

Кузьма. Нет, отче Стефан, он уже больше не понадобится. (*Протопоп хмурится. Кузьма продолжает двусмысленно.*) Мы и так уже все, что надо, знаем про все эти дела и про честного Трофима Игнатьевича.

Морозов сидит крайне недовольный, барабанит пальцами по столу.

Кузьма. То-то меня всегда от этого Трофима воротило. Уж до того честный. – Вот ведь как получается, честность, оказывается, опасная вещь. В честном человеке должного смирения не бывает. Честный, он всегда гордец. (*Лицемерно вздыхает.*) А уж если он в делах веры возомнит себя умней других, то – пиши пропало.

Стефан (*недовольно*). Так что ж ты делать собираешься?

Кузьма (*лукаво*). Ждать. Терпение есть вера святых.

Стефан готов завопить. Вмешивается Морозов.

Морозов. Отче Стефан, послушай меня. Ты ведь меня при выходе застал, я к тебе шел (*подмигивает*), подарочек тебе приготовил. Но не это главное. О деле собирался говорить, великой государственной важности. И тебя оно напрямую касается.

Сын твой духовный, о народном благе пещась, задумал жениться.

Стефан (*крестясь торжественно*). Слава тебе Господи. Я уже не раз об этом думал, все поговорить собирался... с тобой, Борис Иванович.

Морозов. Уж такое это дело, что от него зависит будущность всей земли Русской (*выразительно*) и всех и вся. Пока оно не совершится, никакой сумятицы допускать нельзя. – Да еще где! В доме князей Прозоровских. Ну, понятное дело, князь Симеон тут ни при чем. Подумаешь, пришел разок посмотреть на диковинного старца.

Кузьма. Который черт знает что врет, мол, что полтора ста лет прожил, а то и все двести.

Морозов. А этот Трофим, он же князю родней родного. Он ему и правая рука, и левая. Ему люди завидуют, что у него такой управляющий.

Кузьма. До того честный, аж тошно делается.

Стефан (*бурчит*). Преподобный Иосиф Волоцкий ересь жидовскую огнем и мечом истреблял.

Кузьма. Эк сравнил. Жидовская ересь в Кремле сидела, во всех соборах и аж в терем царский проникла. А эта где? В подвале у какого-то Трофима.

Морозов. Еще и разобраться надо, было там что-нибудь, или этот вор все напридумал.

Кузьма. Ну, это мы выясним. Мы их без присмотра не оставим. И честный Трофим от ответа не уйдет, ты уж не сомневайся, отче Стефан, только терпения наберись.

Морозов (*машет на него рукой. К Стефану*).

И потом, тебе же хорошо ведомо, что молодой Прозоровский очень к царю близок. И как ведь разумно себя держит. Во всех забавах царских участвует, а в советчики никогда не лезет, не то, что иные. Стоит ли из пустяков государя огорчать, тем более сейчас, когда у него мысли совсем не о том!

Стефан. В общем, приказываете ждать, пока они открыто пойдут свою ересь проповедовать на площадях да на папертях.

Кузьма и Морозов смеются.

Кузьма. Долго ждать придется, Стефан Вонифатьевич. Этот Михайло за двести лет не собрался, глядишь, еще двести прособирается.

Морозов (*резко*). Хватит об этом... (*Обнимает Стефана за плечи.*) Пойдем, отче Стефан, отужинаем и поговорим совсем о другом. О наших красавицах московских и особенно о твоих духовных дочерях.

Стефан (*уходя, Кузьме*). Кузьма Кузьмич, ты ведь доносителю давешнему даже не сказал, чтоб он язык за зубами держал.

Кузьма. Вот об этом уж не беспокойся. Никто от него ни слова не услышит.

Стефан (*нервно*). Ты что, ты что делать с ним собираешься?

Кузьма. Я? Ровным счетом ничего.

Вечер. Ерошка бредет по темной улице. Его настигают двое и убивают ножом.

7. Царь у себя.

Прохаживается по комнате. Садится. Встает. Звонит в колокольчик.

Алексей. Назар!

Входит Назар Чистой.

Алексей. Сегодня больше с боярами сидеть не буду. Я к сестрам пойду.

Царь идет дворцовыми переходами в женский терем. В передней царевен все вскакивают, кланяются.

Царь входит в горницу, переглядывается с Ириной, та немедленно делает знак всем, кроме царевен, выйти.

Ирина. Царюшка наш пожаловал. (*Целует его.*)

Сестры наперебой приветствуют его. Анна – с вымученной улыбкой.

Алексей. Я вас собираюсь удивить. А вот чем – ни за что не угадаете.

Татьяна. Да, не угадаем... Уж больно у тебя хитрый вид, царь-батюшка.

Алексей (*грозя пальцем*). У царя-батюшки хитрого вида не бывает. У него всегда мудрый вид, даже если он глупость говорит.

Сестры с готовностью смеются.

Алексей. Я, однако, о важном деле говорить пришел. Думал я, думал и решил, что слишком долго у нас на Руси государя своего за малое дитя почитают. Он все погремушками играет, а решают за него бояре. Так что решил я люди своя порадовать и напомнить, что я уже взрослый.

Ирина. Только голову никому не руби.

Алексей (*улыбаясь*). Нет, это пока никому не грозит. – Я жениться решил.

Сестры. Ах, братец! Ах, Алешенька! Ах ты наш батюшка!

Татьяна. А на ком, государь-батюшка?

Алексей (*пожимая плечами*). Выберу по обычаю.

Ирина. Что ж, по обычаю, так по обычаю.

Алексей. Понятно, что у других государей не так заведено, но что мы тут можем поделывать?

Ирина (*грустно, покачивая головой*). Ничего не можем.

Алексей. Зато сам, кого захочу, того и выберу. Тут тоже своя выгода есть.

Татьяна. Дело уж очень важное, государь. Тут не грех лишний раз посоветоваться. И с Борис Ивановичем, и с другими.

Алексей. Посоветуюсь, посоветуюсь. Только выбирать буду все равно сам.

Ирина (*как бы между прочим*). А указ уже подписал, Алешенька?

Алексей. Завтра подпишу, а может уже и сегодня. (*Подзывает сестер к себе поближе, заговорицки*) Я тут придумал кое-что, а вы мне в этом поможете. Только обещайте, что до последнего дня никому ни звука.

Сестры. Ну конечно, конечно обещаем.

Алексей. Я всех девиц смотреть не хочу. Ну их, еще в глазах зарябит. Пусть они соберутся, а я назначу судей из бояр, чтоб отобрали шесть-семь самых лучших. А уж потом сделаем так. Вы этих выбранных зовете к себе, понятное дело, еще и боярынь всяких, для порядку, а я переоденусь музыкантом и вместе с другими туда затешусь. И времени будет больше рассмотреть, и вы с ними поговорить успеете, разобраться, чтоб дурой полной не оказалась. А, Ирина Михайловна, хорошо я придумал?

Ирина. Да, мой ангел. Уж мы-то для тебя постараемся. Твое счастье – это наше счастье. Уж мы ради него ничего не пожалеем.

Анна (*взволнованно*). Ты просто чудо хорошо как придумал, Алешенька. Конечно, ты сам должен выбирать. И только ту, что по сердцу тебе придется. И уж конечно, самую красивую.

Татьяна. Вот и начнешь сам государить.

Алексей. Да уж, давно пора.

Сестры без Алексея.

Анна. Иринушка! Танюшенька! А ведь он и вправду сам начнет царствовать! А этот Морозов, что на нем, свет клином сошелся? Да кто он такой? Ирина, почему ты молчишь?

Ирина (*прижимая ее голову к своему плечу, смотрит вверх*). Все будет хорошо. Все у нас будет хорошо, все наладится.

Анна. Ты что, не веришь?

Ирина. Спать иди, Анна Михайловна, спать пора. Нам завтра к ранней обедне, выспаться не успеешь. (*Крестит ее и целует.*) Иди, Христос с тобой.

Анна уходит, чуть не прыгая на ходу.

Ирина. Обрадовалась, дуреха. Морозова скинула, замуж вышла, народ накормила пряником медовым... (*Вздыхает.*) Ну не будет Бориса. Другие найдутся, еще похуже! – Да нет, куда он денется? Небось, уже и невесту припас для Алеши.

Татьяна. Да может, он вообще еще ничего не знает?

Ирина. Ох и умна же ты! Он же сказал, что уже сегодня указ подпишет! Значит, он уже пишется. Неужели в обход Морозова? – Да это все его затея.

Татьяна. Вообще-то у Бориса ни сестры, ни дочери. Мы же всё их родство знаем – там нет невест, одни малолетки.

Ирина. Ничего, Морозов из камней сих сотворит нужную невесту (*крестится на икону*), прости меня, Господи!

Татьяна. Но ведь Алеша не дурачок какой-нибудь. Он твердо решил, что выбирать будет сам. Как ему смогут навязать?

Ирина (*тихо*). Наш отец тоже сам выбирал.

Татьяна. Что наш отец, Ирина? Ну была у него первая жена, Долгорукова. Она умерла. Что ж тут поделаешь? Потом он на матушке женился.

Ирина. Умерла. И все знали прекрасно, от чего умерла. А до нее – что было?

Татьяна. Как это – до нее?

Ирина. Да ты что – про Марью Хлопову никогда не слышала? Хорошо же у нас умеют молчать.

Татьяна. Да кто она?

Ирина. Первая отцовская невеста. Он ее сам выбирал, и высматривал перед этим. Все сам. А с ней еще до свадьбы невеста что твориться стало. Объявили ее порченой и сослали в Тобольск. А родителей еще куда-то сослали. Так они поврозь и погибли.

Татьяна. Матерь Божия! – Знаешь, Ирина, может, лучше Алеше выбрать ту, которую Морозов укажет, уж он-то не даст ее обидеть. – И вообще, хоть все его ненавидят, а он царю предан и в делах государственных смыслит.

Ирина (*гневно*). Это ты в них ничего не смыслишь! – Что он умеет? Чужие мысли за свои выдавать, чужие дела себе присваивать? А в сундуках у него больше, чем в государевой казне. С чего бы это, а? – (*Махнув рукой*) Да что тут говорить! Как-то жили, как-то и дальше проживем. (—) Куда нам деваться, когда мы одни в целом свете православные, а все кругом злые еретики.

Спать пора, царевна Татьяна. Завтра к ранней обедне вставать, не добудишься тебя.

Ирина остается одна. По лицу ее текут слезы.

Глава третья

1. Касимов. Харчевня.

Яков Осина и его сообщники сидят за столом, уставленном кружками.

Осина. Уж такой он наглец, Ивашка этот Всеволожский, второго такого наглеца еще поискать. А надоел всем хуже горькой редьки: с поклонами не ездит, подарков пристойных не возит. И не понимает, дурак, что себе же хуже делает. Ведь его именишко разори до тла – никто не заступится. Одно слово – дурак и наглец.

Первый. А у него хоть есть, чем поживиться? А то просто так громить – скукотища.

Осина. Еще как есть, можешь не сомневаться. Он не только наглый, он еще и хитрющий. Да, наглец и хитрец. Домишко у него старый, кафтан один и тот же двадцать лет таскает, – а все знают, что урожай у него каждый год, какой другим не снился. Так куда же, спрашивается, все девается?

Первый (*оживляясь*). А вот пошарим в сундуках, тогда узнаем.

Остальные (*гогоцут*). Да уж, проверим! – Повыясняем! – А с тем и пойдем, чтоб узнать – куда что девается?

Второй. Тут одна заковыка есть. Усадьба его от деревни неподалеку, ясное дело, мужики проснутся, или кто из дворовых за ними побежит.

Третий. Какой мужик за своего барина в драку полезет? Еще рад будет, что кто-то за его обиды отомстил.

Осина (*обеспокоенно*). У Ивана Всеволожского могут и полезть. Там у них... (*делает неопределенный жест*).

Второй. То-то и оно.

Остальные. Да что они против нас! – Раскидаем. – Первых же так испугаем, что остальным не захочется.

Второй. Договорить мне дайте. – Есть у Всеволожского один мужик, Гордеем зовут. Может, кто из вас его знает? Не может быть, чтоб никто не знал.

Остальные. Да, слышали, конечно. – Он медведей голыми руками заваливал. – Он один тридцати стоит – у него такие кулачищи – кирпичную стену прошибить может.

Первый. Так как же тут быть?

Второй. А вот как? – Уговориться с ним надо. Кой-чего поднести, кой-чего обещать. Надо, чтоб он в эту ночь в отлучке оказался.

Осина (*мрачно*). Ну что, так вот заявиться и сказать: мы, такие-то и такие-то, в такой-то день твоего барина грабить собираемся?

Второй (*самодовольно*). Я знаю, что надо делать. – Этот Гордей, он и такой, и сякой, а жену свою, как малое дитя, слушает. А мы с ней не чужие. Она у моей сестры крестила. Ну, не у сестры, у золовки ее, но всё равно свои. – Она такая бабенка, и из себя у-ух! И пошутить любит. Я ее уговарю.

2. Крестьянское подворье на околице села.

Красивая дородная баба стоит на приставной лестнице перед чердачным окном. С высоты ей хорошо видна проселочная дорога. По дороге идет Второй сонцевский разбойник. Женщина проворно спускается с лестницы, входит в избу, обращается к мужику богатырского вида.

Варвара. Гордей Гордеич! Там Микитка сонцевский идет и все в нашу сторону поглядывает. Знаешь что, полезай-ка ты в чулан.

Гордей. Ну ты, баба, скажешь! Чего это я в чулан полезу?

Варвара (*ласково*). Гордей Гордеич! Полезай-ка в чулан.

Гордей пожимает плечами и лезет в чулан. Варвара выскакивает наружу и, поворотившись спиной к дороге, старательно изучает горшки и кувшины, нет ли где трещины.

Микита (*появляясь у нее за спиной*). Доброго здоровьичка, Варвара Матвеевна!

Варвара (*вздрагивая всем телом*). Ой, Микитушка! А я тебя и не приметила. Аж напугал! Каким ветром к нам занесло?

Микита. Да вот тебя хотел навестить, да с хозяином твоим потолковать (*подмигивает*), ежели ты не против.

Варвара. Ой, незадача какая. А Гордеича моего и нет.

Микита (*глаза у него загораются*). А где он?

Варвара. Барин Иван Родивоныч его аж в Рязань отослал.

Микита. А за каким делом?

Варвара. Снасть какую-то привезти для медоварни. И еще чего-то там, а чего, не знаю. Он грамоту отписал купцу тамошнему, купец и прочтет. А мыто не умеем, я туда заглянула, да только «веди» и «мыслете», а больше ничего и не разобрала.

Микита. И когда же ты его ждешь?

Варвара. К субботе обещался непременно быть, а ты уж для верности заходи в воскресенье после обеда.

Микита. Зайду-зайду. Обещаю. – А пока, Варвара Матвеевна, в знак дружбы нашей, прими от меня вот это (*вынимает из-за пазухи роскошный платок*).

Варвара (*машет руками*). Да что ты, Микитушка, и думать не моги! Уж ты не обижайся, но мне без Гордей Гордеича подарок принять! Хоть мы с тобой и свои! Не приведи Господь. Ты же знаешь, какие у него кулачищи.

Микита. Знаю, Матвеевна, знаю.

3. В усадьбе Всеволожских.

В большой горнице Иван Родионович, Евдокия, Андрей, Варвара, Гордей и староста Митрофаныч.

Варвара. Барин-батюшка, Иван Родивоныч! Чует мое сердце, они этой ночью заявятся.

Евдокия (*тяжело дыша*). Дождались! Дождались! А ведь говорил отец Никола!

Всеволожский. Говорил, говорил! Что, оборонимся, что ли, его словами?

Митрофаныч. Не бойся, матушка Евдокия Никитишна! Бог не выдаст – свинья не съест. Не зря же их Гордеиха перехватила.

Всеволожский (*жене*). Варварушку наградить надо, как следует.

Евдокия. О чем речь! Сегодня же наградим.

Варвара (*машет руками*). Нет-нет, только опосля. – Решайте скорее, как их встречать. Дело к вечеру.

Всеволожский. Как думаешь, Павел Митрофаныч, встанут за меня мужики?

Митрофаныч. Не сумлевайся, Иван Родивоныч, наши мужички никогда тебя не выдадут. Они твоей справедливости хорошо цену знают. И хорошо знают, какие господа у других.

Всеволожский (*тихо, Андрею*). Вот видишь, я у тебя и неуч, и грешник. А вот что обо мне другие говорят.

Андрей (*так же тихо*). Батюшка, родимый, ну что ты такое на меня возводишь?

Гордей. Да что этих сонцевских бояться? Это ж гниль болотная. Они только тем сильные, что безнаказанны. Я один с ними справлюсь. А если мне еще Сеньку с Лукашкой...

Андрей. Тебя чтоб тут и близко не было!

Гордей. Как это, барин?

Андрей. А ежели тебя узнают? Ведь Варвара-то тебя в Рязань отправила. Не приведи Бог, они додумают, что она их провела! Они же вас подожгут.

Варвара (*смотрит на него изумленно*). Ох какой же ты, Андрей Иваныч!

Варвара выпрямляется во весь рост и как бы засучивает рукава.

Варвара. Ладно! Что стоим, время теряем? *(Евдокии)* Ты, матушка, собери барышню Фиму с ее нянькой и спровадь их к Митрофанычу в избу. Лучше ей быть отсюда подальше. *(Митрофанычу и Гордею)* Вы поскорее мужичков собирайте и ведите сюда. Мы им смотр устроим.

Всеволожский. Ай да баба! Козьма Минин в сарафане!

Варвара *(тоном полководца)*. По моему разумению, ждать их надо со стороны гумна. К барской усадьбе только две дороги: со стороны гумна и через деревню. Но по деревне они побоятся.

Всеволожский. Почему?

Варвара. Собаки залают непременно. По собачьему лаю всегда понять можно, спроста они лают, или нет. – Но на всякий случай надо будет у околицы каких-никаких дозорных выставить.

Андрей. Вот собаки – это то, что нам нужно. *(Всеволожский смотрит вопросительно.)* Там возле гумна есть пустой сарай. Надо привязать возле него собак, и побольше. И как они залают, пусть дозорный закричит «воры, воры!» и бежит в сторону деревни. Нам непременно нужно, чтоб сонцевские думали, что все получилось случайно.

Варвара опять изумленно смотрит на Андрея.

Всеволожский. А что собаки там делали?

Андрей. Не знаю, это не мое дело. Это их дело. Собачье.

Варвара *(хлопает в ладоши)*. Телегу надо поставить поперек дороги! А колесо снять. – Ну дурной мужик! Телега сломалась, а он там на ночь остался. Увидел добрых людей, испугался – и бегом в деревню. А пока они через ту телегу перелезть будут, все наши и подоспеют.

Андрей. Шум нужен, шум, шуметь надо изо всех сил. Они сообразят, что к чему, и, может, безо всякой драки уберутся.

Всеволожский. Ну, не мешало бы их отделать хорошенько, чтоб неповадно было сунуться еще раз.

Андрей *(очень спокойно и твердо)*. Всякая драка смертоубийством может кончиться. Неужели наши люди должны голову сложить за наше добро?

Всеволожский *(покосившись на Варвару)*. Наши – Боже упаси. Но этого Якова Осину я бы своими руками придушил.

Андрей. Тогда воевода Обручев с нас взыщет и за него, и за все его грехи. – Нет, Господь помилует, не будет у нас душегубства.

Входят Гордей и Митрофаныч.

Митрофаныч. Варвара Матвеевна, принимай войско.

Все выходят на крыльцо. Во дворе толпятся мужики с дубинами и кольями.

Варвара, как заправский военачальник, ходит между ними, отдавая приказания. Всеволожский и Андрей наблюдают за ней, улыбаясь и качая головами.

Голос Варвары из толпы. А ты беги навстречу и кричи: «Сенька идет, Сенька! Он похлеще Гордея будет!»

Голос Гордея. Вот ведь врет. Я Сеньку в два счета на лопатки кладу.

Темнеет. Наступает ночь.

Мужики в дозоре. Другие в засаде.

Господский дом.

Всеволожский, Андрей, Гордей, Варвара и Митрофаныч вглядываются в темноту.

Ожидание.

Шайка Осины движется по дороге к усадьбе.

Осина (*хватаясь за шапку*). Ишь какой ветер поднялся!

Микита. Зато светло как сделалось.

Ярко светит луна.

Осина. У него дворовых совсем мало, у Ивашки-то, и всё старухи, да старик один. И сам он уже не боец. А сын у него, говорят, придурковатый (*смеется*), с мужиками первым здоровается.

Микита. Да чего там! Главное – Гордея нет. Этих мы живо скрутим. А без Гордея никто из ихних мужиков не пойдет им на подмогу.

У Всеволожских.

Все приникли к окнам. Наконец, доносятся крики.

Крики. Воры! Воры! Разбойники! Сюда, сюда! Помогите!

Всеволожские и их люди выбегают на крыльцо. Варвара и Гордей бегут в направлении криков.

Крики. Бей их! Это сонцевские, я их узнал! Давай, Сенька! Всыпь им, Лукашка!

Голос Варвары. Не смей, Гордеич! Тебе барин запретил!

Андрей один. Он несколько секунд стоит в растерянности, потом бежит бегом в деревянную часовню возле дома.

В часовне.

Луна ярко светит в окно. Освещает икону, изображающую Христа с раскрытой книгой на коленях.

Текст: «Аще кто хочет по мне идти, то отверзи ся, возьми крест свой и по мне иди».

Андрей хватает свечу, ставит перед образом и вдруг соображает, что ему нечем ее зажечь.

За окном крики. Андрей в замешательстве.

Свеча загорается сама.

Андрей. Господи Боже!

Андрей падает на колени, прижимается головой к ножке подсвечного стола, целует ее.

Андрей. Господи Боже! Милый Ты мой!

Голос Всеволожского. Андрей! Андрей! Где ты подевался?

Всеволожский врывается в часовню.

Всеволожский. Ну конечно, баба богомольная!

Хватает Андрея за шиворот, вытаскивает из часовни.

Крики. А-а-а! Бегут! Бегут! Труссы! Догоняй их, ребята! Бей их!

Голос Варвары. Назад! Все назад! Барин не велел.

Андрей, Всеволожский и Митрофаныч бегут навстречу возвращающимся мужикам. Женщины и дети тоже собрались большой толпой.

Всеволожский. Ну молодцы, ребята, молодцы! Век вашей службы не забуду. Сейчас Павел Митрофаныч всем по чарке нальет.

Андрей. А завтра каждому по двадцати копеек серебром. (*Всеволожский морищится. Андрей говорит ему на ухо*) Из моих, из моих.

Всеобщее веселье.

Двое мальчишек, ходивших догонять разбойников, бегут к усадьбе.

Мальчишки. Пожар! Пожар! Сонцевские господский амбар подожгли.

Крик общего ужаса.

Голоса. Погибли мы, погибли! – Ветер на деревню! – Ой, батюшки! Матерь Божья! Святые угодники! – Ветер-то какой! – Ой, гибель пришла! – Все погорим!

Андрей (*посреди толпы, властно*). Бегите, тушите! И Бога молитесь! Господь помилует нас! Помилует нас Господь!

Несколько старых женщин опускаются на колени, творя крестные знамения. Все остальные бегут к горящему амбару.

Сильный ветер гнет деревья.

Пламя над горящим амбаром поднимается вверх, ни одна искра не отлетает в сторону.

Некоторые из прибежавших крестьян при виде этого зрелища застывают в изумлении. Остальные бросаются тушить.

Варвара (*изумленно*). Павел Митрофанович, глянь, и впрямь чудо.

Митрофанович (*раздумчиво*). Ветер, он как вода в реке. Где прямо течет, а где в воронки завихряется. Видно, в эфтом месте и случилось завихрение. (*Вежливым тоном*) Но, конечно же, за все Господа благодарить надо.

3–а. В доме Всеволожских.

Иван Родионович в кресле, в отчаянье. Евдокия, Андрей, Фима, нянька Настасья, Митрофанович.

Фима (*опускается на колени, обнимает отца*). Батюшка, голубчик, но ведь все живы, все цело. Ну, сторело что-то! Разве ж мы не проживем?

Всеволожский. Все труды прахом! Целый год труда, и всё прахом.

Евдокия. Бог дал, Бог взял, Родионович. Грех роптать, ведь такая беда миновала!

Всеволожский. Да если бы само собой загорелось! Да я бы слова не сказал! – Но когда такое творится! У всех на виду! Ничего не боятся! Грабят, поджигают! И все их знают – и ничего.

Митрофанович. Мы такое только в Смутное время видели, ей-богу. При старом царе, при старом воеводе такое и присниться не могло.

Всеволожский. Нет, я должен с ним поговорить! Я поеду в Касимов, я ему все скажу.

Андрей в продолжение разговора стоит поодаль, блаженно переживая произошедшее. Услышав последние слова Всеволожского, поворачивается к нему.

Андрей. Он того и ждет, чтоб ты пришел. Сам и прислал сонцевских, чтоб тебе про то напомнить. Только с пустыми руками к нему ходить без толку. Либо дань ему надо заплатить, либо охранную грамоту от какого-нибудь вельможи московского в нос ему ткнуть.

Митрофанович. Да, вот так. В прежние времена в Золотую Орду дань возили. А теперь эта Орда на каждом перекрестке.

Евдокия. Давай в Москву поедem, Иван Родионович.

Всеволожский (*кричит, стуча кулаком*). Я сначала в Касимов поеду! Пусть он мне в глаза посмотрит! Я столбовой дворянин! Я за царя сражался! Я Сергиеву Лавру оборонял!

Настасья. Батюшка, да не убивайся ты так, себя пощади. Он мизинца твоего не стоит, воевода этот.

Фима (*обнимая отца*). Ну конечно же, мы поедem в Касимов. Завтра же все поедem. Отец Никола, чай, по тебе соскучился, он так тебя любит.

Всеволожский (*смягчаясь*). А ты в Касимов ехать не боишься? А как матушка попадья начнет тебя сватать?

Фима. А я храбрая, я никого не боюсь. Я даже матушки Глафиры Петровны не боюсь.

4. Москва.

У Кузьмы Кузьмича.

Кузьма и Поликарп (помощник Трофима).

Кузьма. Давно ты не появлялся.

Поликарп. Прости, батюшка Кузьма Кузьмич. Работы много было. А Трофим Игнатьич, сам знаешь, мужик дотошный. Все ему надо знать, где был, куда ходил.

Кузьма. А как про жалованье вспомнил, так сразу время нашлось.

Поликарп (*падая на колени*). Кузьма Кузьмич, да что жалованье! Я и так по милости твоей как сыр в масле катаюсь. Да разве я когда забуду, что ты меня, сироту, к такому месту пристроил. А что давно не был – мой грех, каюсь. Но я, чай, не у бояр Стрешневых служу. Сам знаешь, князья наши – люди тишайшие. Князь Симеон Васильич всегда повторяет: кто Смутное время пережил, тому заради тишины ничего не жалко. Да если бы я про какой злой умысел...

Кузьма. Ты, Поликушка, поднимись и встань-ка вон там, возле окошка!

Поликарп идет ближе к свету, к окну. Кузьма пристально смотрит ему в лицо.

Кузьма. Тебе ведомо, Поликарп, что такое ересь?

Поликарп (*ошарашенный*). Я, батюшка, читать-писать умею, в уме считаю побыстрее самого Трофим Игнатьича, еще я шорное дело знаю, столярные работы делать умею... Где же мне еще какие-то ереси знать, что я – семи пядей во лбу?

Кузьма (*цедит*). Больно много говоришь, Поликушка.

Поликарп. Это я со страху. Я же вижу, что ты на меня гневаешься, а за что – понять не могу. Оттого и страшно.

Кузьма. Ну хорошо. Я тебе помогу. Ходят к твоему Трофиму диковинные страннички, а ты об этом ничего не докладываешь.

Поликарп. Ну, батюшка, их же столько ходит! Им тогда запись вести надо. А уж что они несут! Каждый думает, чем больше наврет, тем больше ему подадут. Они же заради этого и странствуют.

Кузьма. А Михайло Иванов, что по воде ходит, он тоже подаяния просить приходил? Да? И князь Симеон Васильевич ему из своих рук подавал?

Поликарп. Ну, батюшка Кузьма Кузьмич, ну ты прям Даниил-пророк! Был такой старец в усадьбе нашей, только меня в ту пору в Москве не было. Меня Игнатьич в нижегородские имения посылал, у нас там падеж скота случился...

Кузьма (*сквозь зубы*). Где у них только нет имений. – (*Громко*) Так почему же не доложил?

Поликарп. Да кабы я помыслить мог, что тебе про это знать важно. Теперь буду докладывать. Дай Бог памяти на всю их брехню. А запись вести – так Трофим поймает.

Кузьма. А ты не про каждого докладывай, а только про особых, которых привечают особо, князю Прозоровскому представляют, пред его светлые очи.

Поликарп. Батюшка Кузьма Кузьмич, да ведь богомольцев и юродивых и в царских палатах привечают. Кабы князь его слова на веру принял, он бы его к царю отвел.

Кузьма. А царь бы его признал еретиком злым и приказал бы сжечь живьем.

Поликарп (*падая на колени*). Батюшка, прости меня! Это же не по моему разумению. Ты хоть меня научи!..

Кузьма. Встань, Поликушка! И стой так, чтобы я на тебя снизу смотрел.

Поликарп (*поднимаясь*). Слушаюсь, батюшка.

Кузьма. Так что же этот Михайло врал?

Поликарп. Батюшка, да повторять стыдно! Хуже Аленки-побирушки, что каждую неделю за подаянием ходит. У ней сын догола раздетшись на крышу залазит и кричит, что он царь Навуходоносор.

Кузьма. Слишком много говоришь, Поликушка.

Поликарп. Да мне же вспомнить надо, концы с концами соединить. Меня ж не было при этом. Трофим Игнатьич рассказывал и тоже сомневался. У него выходило, что он не то что отца, а дедушку Ивана Грозного видел.

Кузьма. А что ж тут стыдного?

Поликарп. Да это-то ладно. Он про это так прямо не говорил. Это как бы само собой выходило. А байку вот какую сказывал. Мол-де Иван-царевич, про которого в сказках сказывают, был на самом деле и в Москве правил. Отец его, царь, на войну уходя, оставлял его царствовать. И добрее его и справедливее никогда никого не было. А потом его извели злые вороги, ворожкой там, и ядом, ну по-всякому. И вот, мол, когда народ об Иван-царевиче сказки рассказывает, это он, значит, мечту свою лелеет, чтобы тот воротился и над ним царствовал.

Кузьма (*невозмутимо*). Да, был такой царевич. Иван Младой прозывался. Очень его в Москве любили, потом отравили.

Поликарп. А когда же это было, батюшка Кузьма Кузьмич?

Кузьма. Отравили когда? Да лет тому полтора с лишком.

Поликарп. Так что ж этот Михайло, и впрямь двести лет живет?

Кузьма. Про это лучше у него самого спрашивать.

Поликарп (*лукаво*). Так, может, тогда и Аленкин сын – царь Навуходоносор?

Кузьма. Все может быть. Но и про это лучше спросить у Михайлы Иваныча. (*Отчетливо*) И у других, таких же как он, богомольцев премудрых. Ты уж за ними досмотри, Поликушка, а то, выходит, я тебе жалованье плачу, а самому за тобой досматривать приходится.

Поликарп на ватных ногах направляется к дверям.

Кузьма. Погоди-ка, Поликушка. Ты мне вот о чем доложи. Как там Игнатка, Трофимов сын? Корабли в немецкие земли снаряжать – прибыльное дело. Чай, не один сундук уже золотом набил?

Поликарп. Да какой там, Кузьма Кузьмич. Он ведь на казенном жалованье. А казенное жалованье, сам знаешь, пока от Москвы до Архангельска дойдет... (*Разводит руками.*) Если бы ему Трофим Игнатьич денег и снеди всякой не посылал, он бы ноги давно протянул.

Кузьма. А, вот как! Выходит, у самого Трофима больше денег, чем в царской казне. – Ну иди, не теряй время зря.

Поликарп идет по улице, свесив голову.

Поликарп. Едрена мать! Кто же у нас переносит? Кто?

5. Касимов.

Здание собора. Из открытых дверей слышится пение.

Андрей выходит на высокое соборное крыльцо, поворачивается к храму, крестится, кланяется, оборачивается, смотрит на яркое небо, золотую листву и прыгает на землю с верхней ступеньки.

К храму спешит Захар Ильич, худощавый молодой человек постарше Андрея. Андрей бросается ему навстречу.

Андрей. Захар Ильич!

Захар (*обнимая его*). Душевно рад, душевно рад... Наслышан я о вашем несчастье, вчера вечером попадья к нам заходила. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

Андрей (*смеясь*). Еще как помогло. Меня батюшка прямо на цепь посадил, и все ее укорачивал, укорачивал. Сначала в Москву запретил, потом в Касимов. Осталось мне одно село Кузеево, он меня туда посылал по лошадиным делам. А я и там не потерялся. У них половина села – татарская. И шорник, татарин, такой грамотей оказался. Столько мне порассказал и про веру их, и про старину. (*Озирается.*) Я завтра попробую от них улизнуть и схожу в татарскую слободу. Там у моего Габдулы сродственник живет, Шарипом зовут, тоже очень грамотный!..

Захар. Лучше бы тебе воздержаться, Андрей. Это дело небезопасное. У нас в Казани был один такой татарин...

Андрей. И что?

Захар. Ой, вот мои вышли. И твои тоже.

Из церкви выходят теща Захара с его женой и красавицей Машей. Андрей кланяется им, смущенно любуясь Машей. Следом появляются Иван Родионович, Евдокия Никитишна и Фима.

Касимовцы заглядываются на Фиму. Она пытается закрыть лицо фатой.

Евдокия (*шепотом*). Не надо, Фима, ты же видишь, никто не закрывается. Стой себе тихонько и в сторону смотри.

Первый касимовец. Давно тебя видно не было, Иван Родионович! Совсем ты нас забыл. Ты ведь даже дом свой касимовский продал?

Всеволожский. Да просто покупатель подвернулся на эти гнилушки. Жаль было упустить.

Второй касимовец. Рад тебя видеть в добром здравии, Иван Родионович!

Всеволожский. И я рад тебя видеть, Николай Алексеич.

Третий касимовец (*обнимая Всеволожского*). Объявился, пропащая душа. Где остановился?

Всеволожский. У отца Николы. Мы с ним старинные друзья.

Подходит Захар.

Захар. Вот, Иван Родионович, Бог дал снова повстречаться. Я ведь уже с полгода ваш, касимовский.

Всеволожский (*суховато*). Очень рад, очень рад. Андрей мне докладывал.

Захар. Ну хорошо. Расстаюсь с вами ненадолго. Матушка Глафира Петровна сегодня на угощение зовет по случаю вашего приезда. А завтра – милости прошу к нам.

По дороге из церкви.

Всеволожский и Евдокия.

Всеволожский. Хотел бы я знать, эта попадья когда-нибудь спит?

Евдокия. Отчего бы ей не спать?

Всеволожский. Спать – время терять. А могла бы сватать, сватать, сватать.

Евдокия. А что в том плохого? Ты, отец, все готов сердиться, а лучше бы умом пораскинул, подумал. Сам же говоришь все время, что у парня дурь в голове. А что в таком разе лучше всего? Женить. Не зря же говорят, женится – переменится.

Всеволожский (*ворчливо*). Я тридцати лет женился.

Евдокия. А ты разве смолodu был таким, как он? (*Всеволожский морщится.*) Я вчера с Глафирой поговорила. Приданого за этой Машей не меньше, чем за нашей Фимкой. Именье под Коломной неплохое, мельница совсем новая. Еще у них лес на обеих сестер.

Всеволожский. У покойного Барашова и деньги водились. Но уж деньги Захар этот точно зажмет.

Евдокия. А ты считал его деньги? У тебя и своих достаточно. Что мы, такие уж бедные? – А почему Захар этот Андрюшу привечает – понятное дело. Не из-за наших богатств. Тоже мне, богачи! Просто он ему душою близок. Уж если родниться, так уж с тем, с кем поговорить есть о чем, а не с тем, с кем двух слов не свяжешь.

Всеволожский. А Андрюшка-то сам, захочет он жениться или опять выкаблуживать начнет?

Евдокия. То-то и оно, то-то и оно, Родионич! Ты посмотри, какая девка! А уж как он на нее поглядывал, прямо в церкви, это наш-то богомольник. Да главное не это. Глафира говорит, что девица редкостная – и грамоте обучена, и порассуждать умеет. Андрюшку этим скорее

завлечешь, чем красотой. Думаешь, легко будет другую такую найти? Упустим – локти кусать будем.

Всеволожский. Ну, мне пока не до этого. У меня сейчас первое дело – с воеводой этим треклятым переговорить. А его, видишь, черти куда-то унесли.

Евдокия. Да ведь никто за тобой и не гонится. Ты только будь с ними поласковой, с Барашовыми, и все само собой сладится.

Всеволожский. Можно подумать, я грубиян какой. – А лесок их я знаю, неплохой лесок. Не зря то место Туголесьем зовется.

В доме отца Никола.

Всеволожский (*попадье*). Ну, как твой промысел, матушка Глафира Петровна? Кормит?

Попадья (*радостно*). Он мне душу кормит, Иван Родионыч. Ты подумай, ведь я уже старуха, а день-деньской только о любви и помышляю. (*Смеется.*) Это же сущая благодать.

Всеволожский (*подмигивая*). А я слышал, что у тебя в Касимове соперница объявилась, и не одна.

Попадья. Это которые сватовством за деньги занимаются? Хороши соперницы, нечего сказать! Где я, и где они! – Я же сердцем чую, где любовь получится. Разве я стану абы кого сватать? Да еще за деньги. – Я каждого через сердце свое пропускаю, у меня своя награда!..

Евдокия. Да он тебя подначивает, матушка Глафира Петровна, а ты и клюнула.

Всеволожский. А вот и наш батюшка.

Входит отец Никола в сопровождении Фимы и Андрея.

Попадья. Ох, скоро и гости наши подойдут. Ты, Евдокия Никитишна, отдохни, голу-бушка, а Порфирьевна твоя мне поможет на стол накрыть.

Всеволожский и отец Никола вдвоем.

Никола. Послушай меня, Иван. Может, это и к лучшему, что воеводы сейчас нет. Ты поостынешь и поймешь, что ходить к нему без толку. Разве что с поклоном и с подношением.

Всеволожский. Я лучше умру.

Никола. Не сомневаюсь. Я тебя с самого рождения знаю. А когда он выгонит тебя и оскорбит, что ты будешь делать со своей гордостью?

Всеволожский. Он не посмеет! Это ж все равно, что расписаться в том, что он разбой-никам этим потатчик. (*Отец Никола отворачивается.*) Я ничего не понимаю, кто у него в Москве?

Никола. Не знаю и знать не желаю. – Мне Андрей давеча сказывал, что свояк твой Корионов с князем Прозоровским знается. Вот это то, что надо. Прозоровский сейчас в чести, к самому Морозову близок. У него не стыдно попросить защиты. И тогда наш Ирод касимовский тебя пальцем не тронет.

Всеволожский. Но ведь это тоже подлость – меня не тронь, а с другими делай, что хошь.

Никола. Ох Ваня, Ваня! Я за свои семьдесят лет успел понять, как эта жизнь устроена. Одни творят подлость, а другие глаза на нее закрывают, слепыми прикидываются. И стоит кому-нибудь хоть один глаз открыть, так те подлецы норовят ему оба вырвать. (*Тяжело вздыхает.*) Наверное, где-нибудь и есть правда, но нас она всегда стороной обходит.

Всеволожский. Нет, я все же поговорю с этим Обручевым. В конце концов, Москва никуда не денется. Я подумаю, может, Евдокию туда отправлю, это ведь ее родня, Корионовы.

Евдокия (*врывается к ним*). Да ты рехнулся, Родионыч! Где это видано, чтоб мужняя жена в Москву ездила челом бить! Ты что, меня своей вдовой записал? – Отец Никола, родненький, скажи ты ему! Блажь на него нашла! Зятя моего Корионова невесть в чем подозревает,

ни за что не хочет Андрея к нему отпустить. – Он почему сам-то в Москву не едет? Боится, что Андрей за ним следом туда прибежит.

Всеволожский. И прибежит.

Евдокия. Мы ведь такого натерпелись! Я себя в руках держу, а внутри у меня все дрожит!

Всеволожский (*виновато*). Ну, будет тебе.

Попадья (*из-за двери*). Евдокиюшка, милая, гости идут.

Всеволожские принимают парадный вид и идут навстречу гостям.

В горнице.

Всеволожские и гости: Захар Ильич, его жена, теща и Маша.

Всеволожский. Ксения Андреевна, голубушка, сто лет не видались. (*К Захару*) Я ведь с твоим тестем покойным бок о бок воевал. Вместе Сергиеву Лавру обороняли.

Барашова. Так ты, отец мой, совсем нас разлюбил. Дом касимовский и тот продал.

Всеволожский. Да ну их, эти гнилушки.

Евдокия. Зато Андрей, как побывал последний раз в Касимове, так только и слышишь от него – Захар Ильич, да Захар Ильич.

Захар. Это только так говорится. А в мыслях у него совсем не Захар Ильич.

Все смотрят на Машу, которая скромно опускает глаза. Все рассаживаются за столом, мужчины по одну сторону, женщины – по другую. Фима и Маша сидят рядом, Андрей напротив них.

Фима (*негромко*). Маша, а ты вышивать любишь?

Маша. Не-а.

Фима. Я тоже терпеть не могу. (*Все трое смеются.*)

6. Москва.

Возок боярина Морозова подъезжает к крыльцу небольшого дома.

Илья Милославский сбегает со ступенек, помогает Морозову выйти, суетится вокруг него, целует руки.

Милославский. Отец мой! Благодетель мой!

Морозов. Ну полно тебе, Илья Данилыч! (*Идут в дом.*)

Морозов располагается в горнице, вытаскивает свернутый пергамент, разворачивает его.

Морозов. Вот он, список. По царскому указу только с этого дня можно в него девиц заносить. Я твоих красавиц, конечно, помню, и даже очень хорошо, но для порядка должен сегодня их особо оглядеть.

Вот, двоих я уже сюда занес, не ахти каких. А третья будет Мария Милославская – Бог троицу любит. Так что веди ее сюда. (*Усмехается.*) И ту, которую четвертой запишем, тоже веди.

Комната дочерей Милославского.

Няньки и служанки наряжают их, оглядывают, сдувают последние пылинки.

Входит Милославский.

Милославский (*взволнованно*). Борис Иваныч прибыл со списком. Сейчас будет вас в него заносить. Хочет перед этим опять на вас посмотреть.

Анна (*насмешливо*). Все не насмотрится никак?

Мария. Анька!

Милославский. По плетке заскучала? В такой день!

Анна. Да что ты, батюшка, разве я что сказала? Я вообще рта не раскрывала. Разве девице положено говорить? Девице молчать положено и ходить очами вниз, а поднимать только тогда, когда прикажут вверх посмотреть.

Милославский. Ох-хо-хо! Ну я с тобой еще поговорю. *(Няньке)* Все приготовлено?

Нянька. Все готово, барин.

В горнице.

Морозов и Милославский выжидательно смотрят на дверь. Дверь открывается. Входят девицы, в руках у них подносы с угощением. Они ставят подносы на стол и отходят назад. Стоят выпрямившись, опутив глаза.

Морозов. Да-а! Попроси-ка, Илья Данилыч, доченок вверх поглядеть!

Девушки прыскают со смеху и смотрят вверх.

Милославский. Вот, дочери мои, боярин Борис Иванович, благодетель семьи нашей, оказал нам великую честь, занес имена ваши в список девиц, предназначенных для царских смотрин. И еще большую честь нам оказывает, обещает замолвить за вас словцо перед царем-батюшкой. А для него, для государя нашего, слово его наставника верного немалую цену имеет.

Морозов. Да-а! О-обе хороши.

Анна. Что-то я в толк не возьму – неужто государь на нас обоих женится? Али ты, боярин, турецкий закон завести хочешь?

Мария в ужасе.

Милославский. Анька! Да я...

Морозов. Прости ее, Илья Данилович! Она больше не будет. Прости ее под мое поручительство.

Морозов и Милославский вдвоем.

Морозов. Аннушка верно сказала. На обоих царю не жениться. Царя женим на Марье Ильиничне. А уж после того, Илья Данилович, не побрезгуй мной, старым и вдовым, зашлю к тебе сватов за младшей сестрой.

7. Касимов.

Андрей стоит перед касимовской мечетью. Ему хочется туда войти, но он не решается. С глубоким вздохом он уходит.

Идет касимовскими улицами. Подходит к дому Барашовых. В раскрытые ворота видно, как Захар с работниками возится с крытой повозкой.

Андрей. Добрый день, Захар Ильич!

Захар. Рад тебя видеть.

Андрей. Ты взгляни-ка, Захар Ильич, какая красота.

Сквозь ветки рябины, покрытые густыми гроздьями, видно ярко-синее небо.

Захар *(подходит к рябине)*. Много рябины – к холодной зиме. Зима этот год ранняя будет. Может, еще до Покрова снег выпадет.

Андрей *(тихо)*. Ослушался я тебя, Захар Ильич, и вот наказан. Сходил я в татарскую слободу, а Шарип этот в Казань укатил.

Захар. Ну ты неумный! И как Ивану Родионовичу удастся такого неумного на привязи держать?

Андрей. Как удастся? Только с моей помощью. Жалко ведь старика огорчать, поэтому каждый раз пускаемся на хитрость. Вот и сейчас я ведь не где-нибудь шатаюсь, а здесь у тебя. *(В окне появляется Маша. Андрей отвечает низкий поклон.)* А помнишь, ты мне рассказать хотел про то, что у вас в Казани было?

Один из работников направляется к ним.

Захар. Не сейчас, Андрей, не сейчас. В другой раз расскажу.

Андрей. Тогда я пойду. Мне ведь пора к тебе в гости, опоздать могу. *(Быстро уходит.)*

Работник. Посмотри, барин Захар Ильич, что я надумал. *(Возвращаются к повозке.)*

Жена Захара, Софья, подходит к ним.

Софья. Кто это там побежал, уж не наш ли жених?

Захар. Он самый. – Ну как, нравится он тебе?

Софья. А что, тебе разонравился?

Захар. Да нет, он очень славный. Но совсем как малое дитя.

В доме Барашовых.

Маша и Софья.

Маша *(глядя в зеркало)*. Сонь, а кто красивее – я или Фима Всеволожская?

Софья. А тебе непременно надо быть самой красивой? – Что тебе, тебя ведь за ее брата сватают. Уж он-то на ее красоту не обзавидуется.

Маша. Ничего мне не надо. Я просто так спросила. Я знаю, что она меня красивее. И она добрая. Совсем своей красотой не гордится. Словно бы и нет ее. – Чудно, что они ее замуж не выдают.

Софья. Коли не выдают, значит, подходящего жениха не нашли. А может, задумка какая есть. У них в Москве родня с большими связями.

Маша. Да, у нас в Москве родни нет.

Софья *(смеется)*. Ну как же, а тетушка Агафья?

Маша. У тетушки Агафьи самая важная родня – та, что в городе Касимове. В нашей избе. *(Обе смеются.)*

Приемная комната в доме Барашовых.

Гости и хозяйева чинно сидят за столом, за трапезой.

Маша. Матушка, я давеча Фиме обещала вышиванье свое показать.

Барашова. Идите, доченьки, конечно, не все же вам со стариками сидеть. *(К Евдокии)* Маша у нас такая рукодельница, так вышивает.

Девушки выходят.

Захар. Андрей Иванович тоже вот хотел посмотреть у меня листы немецкие.

Андрей вскакивает, идет вслед за Захаром.

Захар *(за дверью)*. Выручай меня, брат. Эти олухи там без меня повозку доломают, а я у тещи выйду виноватым... *(Заталкивает его в комнату Маши и уходит.)*

У Маши.

Фима, Маша и Андрей у окошка.

Фима. Уже темнеет рано.

Маша. Скоро зима. – А ведь есть такие края, где совсем зимы нет. Мне их даже жалко. Такой красоты не видят. Зимой иной раз выйдешь в сад – точно в сказочное царство попадешь. Особенно вечером, когда луна светит. – Стоишь, будто в алмазном тереме. *(Пауза)* А в немецких землях люди дворцы себе строят, краше, чем церкви. У Захара Ильича листы печатные есть, я видела.

Андрей. Нет, дворцы дворцами, а храм все равно над всем городом царит. У меня тоже есть такой лист, город Келен немецкий и посреди него собор.

Фима. Пойду я проведаю нянюшку нашу Порфирьевну. Не заскучала ли она там.

Маша. Она в людской сидит. Найдешь туда дорогу?

Фима. Ага.

Фима выходит. Спускается по лестнице, оказывается в маленькой комнатке. Перед изображением Богородицы горит лампадка.

Фима. Матерь Божия, дай мне увидеть моего жениха. Я хочу ему сказать, как я его люблю.

У Маши.

Машина рука лежит на подоконнике. Андрей пальцами проводит по ее пальцам.

Андрей (*тихо*). Ты знаешь, Маша, отец мой хочет дела кое-какие уладить, а потом сватов к вам засылать.

Маша (*опустив глаза*). Я знаю.

Андрей обнимает ее и целует в губы.

Падает снег.

Андрею снится сон. Он видит издали хоровод девушек. Подходит ближе. Девушки резко поворачиваются к нему. У них всех лица Маши Барашовой. Он хочет найти среди них свою и не может.

8. Москва.

В селе Покровском празднуют первый снег. Народ катается на санках, играет в снежки и т. д.

Большие царские сани едут по первому снегу. В санях сидят царь и Прозоровский. Ванятка примостился у ног царя, спиной к вознице. Их нагоняют сани с молодыми боярами.

Молодой боярин. Государь! Давай наперегонки!

Назар Чистой, верхом, настигает их.

Назар. Не смей! Никаких гонок! Дети малые. Поезжай себе с Богом, князь Никита.

Алексей (*в санях*). Ну вот, ничего мне нельзя.

Прозоровский (*с печальной улыбкой*). Зато жениться можешь, на ком захочешь.

Алексей. Мы вчера посчитали, во сколько этот «свадебный чин» обойдется, у меня глаза на лоб вылезли. (*Прозоровский и Ванятка выразительно переглядываются.*) А тут Богдан Хмельницкий денег требует!..

Прозоровский. Хмельницкому непременно помочь надо!

Алексей. Да что ты! Я ему больше пошлю, чем просит.

Прозоровский (*тихо и твердо*). А вот этого лучше не делать. Чем больше пошлешь, тем больше по дороге растрясется.

Алексей (*вздыхая*). Ну что, в кого ни кинь – все воруют?

Прозоровский. Не все. Вот Ванятка, к примеру, не ворует.

Ванятка. Я бы рад, батюшка, да нечего.

Алексей. Ладно, свадьбу сыграем, потом казной займемся.

Ванятка. А ты, батюшка, свадьбу за счет тестя справляй. Многие так делают. (*Алексей и Прозоровский хохочут.*) И вообще, чем искать самую красивую, лучше самую богатую. А потом взять отцовские сундуки, да и в казну опрокинуть, чтоб доверху наполнилась.

Прозоровский. Наш дурак умнее многих.

Алексей. Где бы найти такого богача?

Ванятка. Ой, я одного такого знаю. Да вот беда, дочки у него нет.

Алексей поджигает губы, гневно раздувает ноздри, но не находит, что ответить.

Ванятка (*меняя тему*). Батюшка, а мне жениться позволишь?

Алексей. Дозволю, дозволю. Нельзя, чтоб дураки перевелись, без них скучно.

Ванятка. А давай на спор – что я себе жену найду красивей, чем ты?

Алексей. Это как же?

Ванятка. А вот так. У тебя-то выбор маленький. Ты, чай поди, ниже столбовой дворянки взять не можешь. А у меня выбор – во какой! (*Показывает на толпящихся по сторонам дороги многочисленных горожан.*) Бери, кого хошь!

Алексей (*пинает Ванятку ногой*). Я те покажу, на ком хошь. Ты дураком прикидывайся, да не забывай – ты дворянский сын, и звания своего позорить не смеешь.

Прозоровский. А ведь это не по-христиански.

Алексей. Именно по-христиански. Пятая заповедь – почитай отца твоего и мать твою. Вот представь своего отца – и как ты ему скажешь, что на холопской дочери намерен жениться.

Прозоровский (*с невеселым смехом*). Нет, я не собираюсь ему такого говорить. Я не хочу жениться на холопской дочери.

Алексей. То-то же.

Прозоровский. Но ведь сказано же: во Христе нет ни иудея, ни язычника, ни раба, ни свободного.

Алексей (*насмешливо*). И где это сказано?

Прозоровский. Ну-у... в Евангелии...

Алексей. Святого апостола Павла Послание к Галатам. (*Снисходительно улыбается.*) А сказано там вот как: во Христе Иисусе нет иудея ни язычника, нет раба ни свободного, нет мужеского пола ни женского. Понятно? Это к Царствию Небесному относится. А мы пока еще не там... – Вот, видал? (*Указывает на двое перевернувшихся саней на обочине.*) Это не Царствие Небесное. А там, может быть, все и равны.

Прозоровский. В Царствие Небесное мало кто попадет. Вот в пламени адском – другое дело. И там уж точно все равны.

Алексей. Это только Господь ведает, кто куда попадет. И в этом мире каждый в том звании родится, какое Господь определил.

Ванятка (*подмигивая*). А иначе все бы родились немецкими пирожниками.

Алексей. «Каждый в звании, в немже призван бысть, в том да пребывает». Святого апостола Павла к Коринфянам первое Послание.

Прозоровский (*восхищенно, Ванятке*). Ну и царь у нас!

Ванятка (*потирая коленку*). Да-а, а зачем маленьких бьет?

Алексей. Так-то. (Зло) А если из Святого Писания дергать, да передергивать, то в один прекрасный день окажемся не в Царствии Небесном, а в Аглицком королевстве. (*Смотрит выразительно на Прозоровского.*)

Прозоровский. Вроде бы сегодня купцы ожидались?

Алексей. Скоро узнаем.

Царское крыльцо.

Подъезжают сани. Морозов сбегает с крыльца, бросается к царю.

Морозов. Наконец-то. А руки-то, руки какие холодные! Где рукавицы-то?

Алексей. Да вот они.

Морозов (*Прозоровскому и Ванятке*). А вы куда смотрите?

Прозоровский. Не холодно было, Борис Иванович. Мы тоже без рукавиц.

Все идут внутрь.

Морозов. Сейчас меду горячего. Тебе нельзя простужаться. Ты не Ванятка какой, на тебе царство держится.

Алексей. Да будет тебе! – Говори скорей, что из Англии?

Морозов (*берет из рук подоспевшей Федоры чарку с медом*). Вот выпей ради Бога!

Алексей (*топает ногой*). Говори скорей!

Морозов. Ну что говорить? Нового ничего. – Судят Карлу. И еще долго будут судить. Они это дело страсть как любят, суды да пересуды. Потому что не по-Божьему живут, а по своим 3-законам. Теперь все грехи на него навешают, с Адама начиная.

Алексей. Ни одна подлюга на помощь не идет!

Морозов (*вздыхая*). У всех свои заботы, свои беды.

Алексей. Будь я туда поближе, будь у меня силы, я бы ему помог.

Морозов. Голубчик ты мой родной. – Тебе сейчас о своем думать надо. За стол садись скорее. Отец протопоп сегодня с нами обедает.

За столом.

Морозов, Алексей, Стефан Вонифатьев.

Алексей (*за обедом*). Иваныч, я что-то не пойму насчет детей Карловых. Старшие в Голландии, а самые маленькие с ним остались. А это не опасно?

Морозов (*Стефану*). Ну какое сердце! Ему о своей свадьбе думать, а он чужой болью болеет.

Стефан. Будем за них молиться. И будем молиться, чтобы злые ереси своего семени у нас не посеяли, чтобы святая Русь в тишине и покое пребывала. (*Выразительно смотрит на Морозова.*)

Морозов (*досадливо морщится*). Всенепременно, отче протопоп, сил не пожалеем.

Алексей (*весело*). Вот, ты меня жениться заставляешь, я, уж так и быть, женюсь, чтоб тебя не огорчать. А после свадьбы... (*Покачивает головой в такт своим мыслям.*) Многими делами займемся. – Ну а ты, отче Стефан, что мне скажешь? Кто у нас на Москве всех красивее?

Стефан. Это ты решать будешь, кто там кого красивее. Я своих духовных чад по красоте души различаю. И уж если говорить о московских невестах, то никого равного Маше Милославской даже вспомнить не могу. И умна, и ангел кротости.

Морозов. И первая красавица. У него ведь две дочки на выданье, у Ильи Милославского. И обе чудо как хороши. И все равно младшая старшей не чета. Мария Ильинична еще лучше.

Алексей. Да, прямо чудо какое-то. Аж заслушаешься. Если б ей еще город Киев в приданое давали, я бы на других и смотреть не стал.

Морозов. Ничего, Киев сами возьмем.

Кабинет Морозова.

Кузьма за столом, заваленным бумагами. Стефан Вонифатьев прохаживается по комнате.

Стефан. Ну что, Кузьма Кузьмич? Выходит, у тебя в доме Прозоровских нет верных людей?

Кузьма (*сквозь зубы*). Это еще понять надо, кому они верные. Этот Трофим хитрый как черт. Он к себе на службу абы кого не берет. Как он того малого, что на него донес, проглядел, – до сих пор удивляюсь.

Стефан. А ты его вот так и отпустил. Ты хоть знаешь, где его искать?

Кузьма. Знаю. Но искать не стану. Мы с него и так уже всё получили. Теперь надо только переждать царскую свадьбу. А там посмотрим, кто хитрее.

Глава четвертая

1. Касимов.

Всеволожский входит в прихожую воеводы. Всеволожский и подьячий.

Всеволожский. Доложи воеводе, что с ним желает говорить касимовский дворянин Иван Всеволожский.

Подьячий (*полупьяный и ехидный*). А-а-а. Наконец-то, дождались, пожаловал. – А за каким делом, дозволю спросить?

Всеволожский (*раздувает ноздри, сжимает кулаки, но сдерживается*). У меня к нему важное дело.

Подьячий. А господин воевода только важными делами и занимается. Вот и сейчас занимается, занят очень. Подождать придется.

Всеволожский садится, ждет, глядя в потолок. Идет время.

В город Касимов въезжают два богатых возка, запряженных богато убранными конями.

Возничий. Эй! Как проехать к дому воеводы?

Двое людей берутся объяснять.

Возничий (*одному из них*). Полежай-ка сюда. (*Тот залезает на облучок.*) Дорогу! Едет царский окольничий боярин Пушкин!

Всеволожский томится в прихожей. Входят двое молодых людей развязного вида.

Первый посетитель (*на ходу, подьячему*). Здорово, Пахомыч. (*Оба проходят внутрь.*)

Всеволожский (*возмущенно*). Это как же так?

Подьячий. Все заранее договорено. Об исполненном поручении докладывают.

Боярин Пушкин едет по Касимову.

Всеволожский прохаживается по прихожей. Молодые люди выходят.

Первый посетитель (*подьячему*). Бывай здоров, Пахомыч.

Подьячий продолжает не обращать никакого внимания на Всеволожского.

Всеволожский (*подходя к подьячему*). Иди, доложи обо мне, не то я тебя задушю.

У воеводы.

Подьячий (*входя*). Батюшка Степан Васильич, он меня задушить грозится.

Воевода. Ладно, зови этого козла. – Козел настоящий, ни шерсти с него, ни молока.

Входит Всеволожский.

Воевода. Ну, с чем пожаловал?

Боярин Пушкин из окна возка смотрит на Касимов.

Пушкин (*своим спутникам*). Па-асмотрим, какие тут для нас цветы вырастили. – Да, эта служба мне по душе. Другой раз в жизни такого веселья не будет.

Двое его спутников, старый и молодой, смеются.

У воеводы.

Воевода. Да мало ли что твоим мужикам с пьяных глаз привиделось? Яков Осина почтенный человек, его честность всем известна. – Да не будь он таким, поставил бы его князь Сонцев своим именем управлять? Али ты князю не веришь? Мужикам своим веришь, а князю Сонцеву не веришь? – Да я слушать ничего не желаю. Это все поклеп, злостный поклеп.

Всеволожский. Это не поклеп, и тебе это не хуже моего известно. Говорю тебе в последний раз, ежели ты, аки воевода, не вступишься в мое дело и не накажешь Осину примерным образом, я этого так не оставлю, я и до царя дойду.

Воевода. Ты что, стращать меня вздумал? Так вот послушай, ты, дворянин столбовой. Осину ради твоего удовольствия и в потакание твоим ябедам я не трону, а за твои речи дерзкие и нахальные сам на Москву отпишу, и ты туда не своей волей поедешь, а силком тебя поволокут!..

Возки боярина Пушкина останавливаются у крыльца воеводы. Первый спутник (молодой человек, Артемий) взбегает по крыльцу, входит в прихожую.

Артемий (*подъячему*). Ступай доложи воеводе, что прибыл из Москвы царский окольный боярин Григорий Гаврилович Пушкин с государевым указом.

На улице.

Пушкин и его второй спутник, князь Тенишев, ждут, сидя в возке. Из дома воеводы выбегает Всеволожский и, ни на кого не глядя, быстрым шагом идет прочь.

Пушкин (*глядя ему вслед*). Хорошо бы узнать, что здесь творится.

Тенишев. То же, что и всюду, Григорий Гаврилович.

Пушкин. Нет, про этот Касимов особливые чудеса рассказывают. Ну, у нас сейчас дела поважнее.

Воевода выбегает встречать Пушкина.

Воевода. Батюшка Григорий Гаврилович! Отец родимый! Какая честь! Какая радость! (*Ватага прислужников окружает возки.*) Лошадущек распрячь, напоить, накормить. (*Кланяется при каждом слове.*) Отдохни, батюшка, откушай. Такой путь проделали, шутка ли сказать.

У воеводы.

Пушкин и его спутники за трапезой.

Пушкин (*кидая ложку*). Такие вот дела, Степан Васильевич. Времени терять не имею права. Давай мне грамотных людей, вот им списки с указа, пусть сейчас же отправляются. И пусть заходят в каждый дом и указ оглашают. Чтоб сегодня же вечером все девицы были здесь, а уж мы с тобой (*подмигивает*) посмотрим, кого не стыдно царю показать.

Воевода. А... А ежели кто уже просватан?

Пушкин. Нет, кто по чину просватан, при свидетелях, как положено, этих не надо, это все равно как замужние. – А мне вот еще что нужно. Нужно непременно переговорить с кем-нибудь из духовных лиц. Ты в Касимове человек новый, и твое дело (*усмехается*) – государева служба. А попы всегда знают, что в семьях делается. И вообще, даже если слух какой про кого идет, и это знать надо. В таком важном деле лучше перестараться, чем наоборот.

Воевода. Соборный протопоп отец Никола. Лучше него никого не найдешь. Он всех касимовцев до десятого колена знает, а попадья его сама наипервейшая сваха, она за каждой девицей с рождения примечает.

Пушкин (*кивая*). Вот-вот, это мне и надо.

Воевода. Послать за ним?

Пушкин. Сам поеду. (*К младшему спутнику*) Поехали со мной, Артемий Лукич. А князь Михал Михалыч пусть отдохнет, с хозяином побеседует.

Пушкин и Артемий усаживаются в сани, устланные ковром. Сани трогаются.

Пушкин (*тихо, Артемию*). Лучше по морозцу прокатиться, чем с этим ... сидеть.

Сани подъезжают к церкви.

Отец Никола, в армячке поверх рясы, занимается починкой ограды.

Артемий (*кричит*). Эй ты, сходи за отцом Николой! Важные гости к нему!

Провожатый. Да это он сам и есть, отец Никола.

Отец Никола, вытирая руки, неспешно подходит к саням.

Отец Никола едет вместе с Пушкиным.

Пушкин. Значит, говоришь, красавица, какие только в сказках бывают?

Никола (*усмехаясь*). Да что говорить, сам посмотришь. Никто за тебя глядеть не станет.

Пушкин. А как, говоришь, они прозываются? Всеволожские? (*Отец Никола кивает.*)

Это ведь что-то такое... такое?..

Никола. Род их старинный. Были некогда боярами, но охудали. Пращур их с государем Василием Темным не поладил, и через то всех званий лишился. С тех пор они уже боярами не писались.

Пушкин. Такое бывало, бывало. Многие так и боярства лишались, и головы тоже. – А ежели ее не царю, а еще кому сосватать, за ней что-нибудь дадут?

Никола (*кивая*). Дадут, дадут.

В доме отца Николы.

Всеволожский заперся в комнате. Глафира и Евдокия в панике возле дверей.

Глафира (*стучит*). Иван Родионыч, голубчик, да отворись ты. Покушать тебе надобно. С раннего утра маковой росинки во рту не было.

Евдокия. Ох, матушка, ты не то говоришь. Может, он в обмороке, может, ему помощь нужна. (*Стучит.*) Ваня, миленький, что с тобой? Не убивай меня. (*Рыдает.*) Так я и знала, погубил нас этот воевода.

Ой, матушка, зови Фимку, может, он ей откликнется. (*Глафира бегом уходит.*) И где этого Андрюшку носит! Ни капли сострадания к родителям.

Глафира вбегает в комнату, где нянька причесывает Фиму.

Глафира. Фимушка, скорей, скорей!

У дверей комнаты, где заперся Всеволожский.

Фима (*стучит к отцу*). Батюшка, родименький, ты только отзовись, мы больше тебя трогать не станем.

Голос Всеволожского. Отстаньте от меня! Коли будет надобно, так сам выйду.

Евдокия (*хватаясь за сердце*). Ой, Господи, благодарю Тебя! Пойдемте, пойдемте отсюда, пусть один побудет, как ему хочется.

Все спускаются вниз. Фима с распущенными волосами.

Входят отец Никола, Пушкин и Артемий.

Никола. Вот она, боярин, во всей красе.

Фима закрывает лицо руками. Отец Никола отводит ей руки.

Пушкин смотрит на нее, открыв рот.

Отец Никола стучит к Всеволожскому.

Никола. Иван, отворяй немедленно. Тут дело поважнее твоей тяжбы. Отворяй, слышишь! Тебя царский окольничий боярин Пушкин требует.

Всеволожский открывает в изумлении.

Там же.

Фима, одетая и причесанная, стоит в полный рост перед Пушкиным.

Пушкин. Ну что, Артемий Лукич! Открывай список. Первая у нас Евфимия, дочь Ивана Родионова Всеволожского, города Касимова столбового дворянина. – Первая-первейшая.

2. В доме отца Николы.

Все без Фимы.

Евдокия. Ну вот, теперь у нас Фимка есть отказывается.

Настасья (с горящими глазами). Ничего, пусть чуток проголодается. Потом еще лучше будет есть.

Фима одна в светелке. Уже темнеет. Фима сидит, уставившись в одну точку.

Андрей подходит к дому отца Николы.

Фима в своей светелке. Андрей вбегает к ней.

Андрей. Фима! Ну что? Едем в Москву?!

Фима еле-еле кивает.

Андрей. Да ты чего, совсем перепугалась, бедненькая? Ты думай про то, как поедem, как тетю Грушу увидишь, свою любимую, Афанасия Петровича. А в Москве столько чудес всяких, ты ведь маленькая там была, небось все позабыла.

Ну Фимушка, это же всё так, все эти выборы, – это же потехи ради. Да станет ли царь жениться неизвестно на ком? Боярин Морозов наверняка давно уже присмотрел будущую царицу. Иначе быть не может, это же дело государственной важности.

Фима (неожиданно). А почему же он сразу его на своей дочке не женит?

Андрей. У Морозова дочек нет. Он вдовый, сирий, только о царе и печется. А смотрины невест... – ну, обычай такой. Всех соберут, а ту, какую надо, объявят самой-самой. Красоту же на весах не взвесишь, и аршином не измеришь. Да и вообще, разве ж можно с погляденья жениться? Вдруг она душой окажется и таких же дураков нарожает? – Фим, да ты что? Ну нельзя же так.

Фима (через силу). Ничего, Андрюшенька. Приедем в Москву, Корионовы обрадуются. Потом к ним твой странничек заявится, как обещал.

Андрей. Сегодня ровно месяц, как мы его встретили.

Фима. Ой, а ты дни считал?

Андрей (смеется). А Москва большая такая, столько в ней разного люду. Вдруг тебя там посватают и окажется, что это и есть твой Финист – ясный сокол.

Фима (гневно). Я ничего такого тебе не говорила. (Отворачивается, вся дрожа.)

Андрей. Ну хорошо, не говорила. – Знаешь, я пойду к Барашовым, надо же им рассказать, что мы уезжаем.

3. Андрей идет к дому Барашовых.

Входит. Его встречает растерянный Захар Ильич.

Захар. А-а, это ты, брат. Давай-ка с тобой щей похлебаем. А то я тут один сижу.

Андрей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.